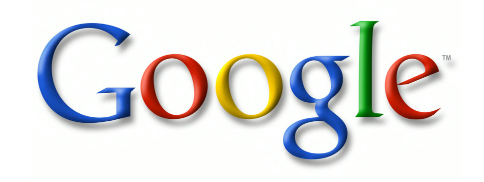
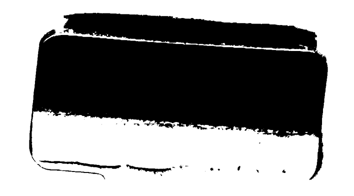

ИГОРЬ СѢВЕРЯНИНЪ.

VICTORIA REGIA.

ПОЭЗЫ.

МОСКВА
1916.

ИГОРЬ СѢВЕРЯНИНЪ.

Томъ IV.

ИГОРЬ СѢВЕРЯНИНЪ.

СОБРАНІЕ ПОЭЗЪ.

ТОМЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ИЗДАНІЕ.
В. В. ПАШУКАНИСА.

ИГОРЬ СѢВЕРЯНИНЪ.

VICTORIA REGIA.

ПОЭЗЫ.

МОСКВА
1916.

VICTORIA REGIA.

VICTOR KAMKIN INC.
RUSSIAN REPRINT SERIES 6

I.

САДЪ ВЕСНОЙ БЛАГОУХАЕТЪ!..

ВЕСЕННІЕ ТРІОЛЕТЫ.

Андрею Виноградову.

Еще весной благоухаетъ садъ,
Еще душа весенится и вѣритъ,
Что поправимы страстныя потери,—
Еще весной благоухаетъ садъ...
О, нѣжная сестра и милый братъ!
Мой домъ не спитъ, для васъ раскрыты двери...
Еще весной благоухаеть садъ,
Еще душа весенится и вѣритъ...

Еще благоухаетъ садъ весной,
Еще въ глазахъ моихъ блестятъ слезинки,
Еще влекутъ въ безвѣстное тропинки,—
Еще благоухаетъ садъ весной...
О, жизнь моя! Ты вся еще предъ мной!
Черемухъ цвѣтъ пророчитъ мнѣ снѣжинки...
Еще благоухаетъ садъ весной,
Еще въ глазахъ моихъ дрожатъ слезинки...

А я усталъ! а юность позади!
Зачѣмъ же садъ весной благоухаетъ?
Взоръ отсверкалъ, померкъ и потухаетъ.
И я усталъ... и юность позади...
О, жизнь моя! ты вся еще въ груди!
Вопью тебя, — и сердце воспылаетъ!
Пусть я усталъ, пусть юность позади,
Но садъ еще весной благоухаетъ!..

Веймарнъ.

Мыза „Пустомержа".
1913.

ВОСТОРЖЕННАЯ ПОЭЗА.

Восторгаюсь тобой, молодежь!—
Ты всегда, — даже стоя, — идешь,
Но идешь постоянно впередъ,
Гдѣ тебя что-то многое ждетъ.
Не желаю я думать о томъ,
Что съ тобою случится потомъ,
Что, спустя много веселъ и зимъ,
Будетъ твой крылолётъ отразимъ.
Но пока молодежь молода,
Не погаснетъ на небѣ звѣзда,
Не утопится солнце въ водѣ,—
Да весенятся всѣ и вездѣ!
И смотрю я въ сплошные глаза:
Въ нихъ потопъ, а въ потопѣ — гроза,
А въ грозѣ зацвѣли васильки...
Оттого — я, не зная тоски,
Такъ спою, что и ты запоешь,
Овосторженная молодежь!
Такъ грозово возгряну „Ура",
Что умретъ безвоскресно вчера!
И вонзаю я въ завтра копье,
Прославляя Сегодня твое!

Керчь.
1914. Январь.

КУЗНЕЦЪ.

Спѣши къ наковальнѣ, кузнецъ!
Покуда здоровъ ты, покуда ты молодъ
Куй счастью надежный вѣнецъ!
Душою измолотъ, душою расколотъ,
Душою истерзанъ, когда, какъ свинецъ,
Жизнь станетъ тяжелой, и старости холодъ
Напомнитъ про глупый, нелѣпый конецъ,—
Тогда берегись, не хватайся за молотъ:
Тебѣ онъ измѣнитъ, кузнецъ!

1910.

ПОЭЗА ДОВѢРІЯ.

Вѣрю небу! вѣрю морю!
Вѣрю ночи! вѣрю дню!
Никого не опозорю!
Ничего не оскверню!

Вѣрю солнцу! вѣрю смерти!
Вѣрю вѣрѣ и любви!
Каждой грезѣ! каждой жертвѣ!
Слову вѣчному: „Живи"!

Вѣрю въ радость и въ страданье!
Вѣрю въ фабрику! въ стихи!
Вѣрю въ строгое молчанье
И въ вульгарное „хи-хи"!

Все пріемлемо, все нужно,—
Это каждому скажи.
Какъ мнѣ сѣверно, какъ южно
Вѣрить этой общей лжи!

Одесса.
1914. Февраль.

ВЪ ІЮЛѢ.

Въ поляхъ созрѣлъ ячмень.
Онъ радуетъ меня!
Брожу я цѣлый день
По волнамъ ячменя.

Смѣется мнѣ іюль,
Киваютъ мнѣ поля.
И облако — какъ тюль,
И солнце жжетъ, паля.

Блуждаю цѣлый день
Въ сухихъ волнахъ земли,
Пока ночная тѣнь
Не омрачитъ стебли.

Спущусь къ рѣкѣ, взгляну
На илистый атласъ;
Взгрустнется ли, — а, ну, —
А, ну печаль отъ глазъ.

Теперь ли тосковать,
Когда поспѣлъ ячмень?
Я всѣхъ расцѣловать
Хотѣлъ бы въ этотъ день!

1909. Іюль.
Мыза „Ивановка“.

НЕ ЗАВИДУЙ ДРУГУ...

Не завидуй другу, если другъ богаче,
Если онъ красивѣй, если онъ умнѣй.
Пусть его достатки, пусть его удачи
У твоихъ сандалій не сотрутъ ремней...

Двигайся бодрѣе по своей дорогѣ,
Улыбайся шире отъ его удачъ:
Можетъ быть, блаженство — на твоемъ порогѣ,
А его, быть можетъ, ждутъ нужда и плачъ.

Плачь его слезою! смѣйся шумнымъ смѣхомъ!
Чувствуй полнымъ сердцемъ вдоль и поперекъ!
Не препятствуй другу ликовать успѣхомъ:
Это — преступленье! Это — сверхпорокъ!

1909.

ПРЕДЧУВСТВІЕ ПОЭМЫ.

Душа все больше, все безгнѣвнѣй,
Все милодушнѣе она...
Я грежу лѣсомъ и деревней,
И это значитъ — вновь весна!

О, неизмѣнная невѣста,
Подруга моего стиха,
Подъ взрывы птичьяго оркестра
Встрѣчай улыбно жениха!

Прости былыя заблужденья,
Ошибки молодой любви
И, въ ореолѣ всепрощенья,
Вновь нареченнымъ назови!

Своею нѣгою измаявъ,
Дай благостно съ тобой возлечь,
Чтобъ на безсмертье Дочь обречь,—
Чрезъ двадцать шесть волнуйныхъ маевъ,
Чрезъ двадцать шесть безплотныхъ встрѣчъ...

Петербургъ.
1914. Мартъ.

ЛУЧИСТАЯ ПОЭЗА.

Ан. Н. Чеботаревской.

Я хочу быть росою двухъ цвѣтущихъ цвѣтовъ.
Я хочу быть стезею голубыхъ голубковъ.
Я хочу быть солучьемъ двухъ лазурныхъ планетъ
Я хочу быть созвучьемъ между «да», между «нѣтъ».

Если буду росою, обрильянчу цвѣты.
Если буду стезею, олазорю мечты.
Если буду солучьемъ, я міры съединю.
Если буду созвучьемъ, я себя сохраню.

Такъ да буду собою я во-вѣки вѣковъ!—
Животворной росою двухъ цвѣтущихъ цвѣтовъ,
Бирюзовой стезею голубыхъ голубковъ,
И солучьемъ созвѣздій, и созвучьемъ основъ.

1913. Февраль.

CARTE-POSTALE.

Сегодня я плакалъ: хотѣлось сирени,—
Въ природѣ теперь благодать!
Но въ поѣздѣ надо;—и не было денегъ;—
И нечего было продать.

Я чувствовалъ, поле опять изумрудно,
И лютики въ полѣ цвѣтутъ...
Занять же такъ стыдно, занять же такъ трудно,
А ноги сто верстъ не пройдутъ.

Гулять же по городу—видѣть автобусъ,
Лицо проститутки, трамвай...
Но это же гадость! Тогда я взялъ глобусъ
И, въ грёзахъ, поѣхалъ въ Китай.

1912. Май
Спб.

МОНОЛОГЪ.

Не правда ль?—позорно дать руку тому,
Кто гибнетъ и вѣритъ, что можешь помочь ты...
Позорно и скучно, и странно... Къ чему—
Когда есть „летучія почты",
Конфетти и шпоры, и танцы, и лесть?

Вотъ въ томъ-то и ужасъ, что все это есть!

Когда же умретъ онъ—безсильный, больной—
И въ церковь внесутъ его прахъ охладѣлый,
Ты, плакать, пожалуй, посмѣешь!.. Иной
Подумаетъ: „слезы души опустѣлой"...

...Будь я мертвецомъ, я покинулъ бы гробъ,
Согнулъ бы законовъ природы кольцо
И все для того, для того это, чтобъ—
Тебѣ плюнуть въ лицо!..

1909. Декабрь.

РОНДОЛЕТЪ.

„Смерть надъ міромъ царитъ,
а надъ смертью—любовь!".

Мирра Лохвицкая.

„Смерть надъ міромъ царитъ, а надъ смертью—
любовь!"
Онъ въ душѣ у меня, твой лазоревый стихъ!
Я склоняюсь опять, опечаленъ и тихъ,
У могилы твоей, чуждой душамъ рабовъ.

У могилы твоей, чуждой душамъ рабовъ,
Я склоняюсь опять, опечаленъ и тихъ.
„Смерть надъ міромъ царитъ, а надъ смертью—
любовь!"
Онъ въ душѣ у меня, твой пылающій стихъ!

Онъ въ душѣ у меня, твой скрижалевый стихъ:
„Смерть надъ міромъ царитъ, а надъ смертью—
любовь!"
У могилы твоей, чуждой душамъ рабовъ,
Я склоняюсь опять, опечаленъ и тихъ.

Я склоняюсь опять, опечаленъ и тихъ,
У могилы твоей, чуждой душамъ рабовъ,
И въ душѣ у меня твой надсолнечный стихъ:
„Смерть надъ міромъ царитъ, а надъ смертью—
любовь!“

1910. Февраль.

СОНАТА.

Каждый вечеръ вы вѣете мимо
Въ темномъ платьѣ и съ блѣднымъ лицомъ,
Какъ гетера усладнаго Рима,
. . . .

Я всегда вижу только вашъ профиль,
Потаенно-печальный овалъ
И въ Магдалахъ ли васъ, на Голгоѳѣ ль,
Только, помню, когда-то знавалъ.

На меня никогда, никогда вы
Не взглянули, не смѣли взглянуть:
Вашу память душили удавы,
И мѣдянки окольчили грудь.

И пока полносердно съ балкона
Я, ледѣя, смотрѣлъ вамъ во слѣдъ,
Богоматери меркла икона,
И дрожалъ я войти въ кабинетъ:

Мнѣ казалось, что гасла лампада,
И пустѣлъ, закрываясь, кіотъ...
Все я ждалъ, что изъ росн́аго сада
Кто-то дѣвно меня позоветъ...

И на мигъ несказаннымъ обмануть,
Я спѣшилъ на несказанный зовъ,
И не видѣлъ, какъ ландыши вянутъ
Отъ моихъ недостойныхъ шаговъ.

1911. Ноябрь.

РОМАНСЪ III.

За каждую строку, написанную кровью,
За каждую твою улыбку обо мнѣ,—
Тебѣ отвѣтствую спокойною любовью
И образъ твой храню въ душевной глубинѣ.

Не видимся ли мигъ, не видимся ль столѣтье—
Не все ли мнѣ равно, не все ль равно тебѣ,
Разъ примагничены къ безсмертью цвѣтоплетью
Сердца углубныя въ медузовой алчбѣ?..

О, да: намъ все равно, что мы съ тобой въ разлукѣ,
Что у тебя есть мужъ, а у меня—жена.
Ищи забвенія въ искусствѣ и въ наукѣ,
И въ сновидѣніяхъ, и въ грёзности вина.

Работай и мечтай! читай, переживая!
Живи себѣ во всю, отчаянно грѣша!
Вѣдь ты же человѣкъ! ты—женщина живая!
Вѣдь не безъ тѣла же—она, твоя душа!

Я тоже не святой... Но со святой любовью
Благодарю тебя, отвоенный вполнѣ,
За каждую мечту, проникнутую кровью,
За каждую твою слезинку обо мнѣ!

1914. Мартъ.

ВЕСЕННІЯ РОНДЕЛИ.

1.

Опять Вы бродите въ лѣсахъ
Опять Вы бѣгаете въ полѣ,
Вы рады солнцу, вѣтру, волѣ,
И ландышъ въ Вашихъ волосахъ.
Вы снова въ смутныхъ голосахъ
Очарованія и боли.
Опять Вы бродите въ лѣсахъ,
Опять Вы бѣгаете въ полѣ.
Я къ Вамъ спѣшу на парусахъ
Своихъ экстазныхъ своеволій,
Плету вѣнки изъ центифолій,
И сердце—твердо на часахъ,
Пока Вы бродите въ лѣсахъ.

2.

Я Васъ не видѣлъ года два,
Но никогда не забываю,
Какъ выходилъ встрѣчать къ трамваю
И какъ кружилась голова,

Какія нѣжныя слова,
Какое стремленье къ маю!
Я Васъ не видѣлъ года два,
Но никогда не забываю.
Два раза ужъ росла трава—
Я уходилъ къ иному краю,
Но все попрежнему сгораю
Желаньемъ встрѣтить Васъ у рва,
Гдѣ не встрѣчалъ Васъ года два!

3.

Вы не видали средь осинъ
По направленью пятой горки
Сухія сморщенныя корки
Того, что было—апельсинъ?
Съ другою женщиной, чей сынъ
Былъ созданъ мной на томъ пригоркѣ,
Вы насъ встрѣчали средь осинъ,
По направленью къ пятой горкѣ?
Я спасся, спасся отъ трясинъ,
И вотъ опять одинъ я въ норкѣ,
Мой разумъ ясенъ, взоры зорки,
И, что поэтъ опять одинъ,
Вы не слыхали шумъ осинъ?

4.

Вы мужу вѣрная жена,
Но Вамъ отъ этого не слаще.
Грустите Вы все чаще, чаще,

Душа тоской поражена.
Мечта свѣтла, мечта нѣжна,
Когда Вы съ ней въ ольховой чащѣ.
Вы мужу вѣрная жена,
Но Вамъ отъ этого не слаще.
Какъ жизнь угрозна и страшна
Въ своей бездарности кричащей,
И гдѣ же выходъ настоящій
Тому, кто въ ночь не знаетъ сна,
Кто мужу вѣрная жена?

5.

Зажгла малиновый фонарь
И плачетъ на груди кузины.
Закатъ. Лиловыя долины.
Томленье. И луна—янтарь.
Ей вспоминается январь.
Концертъ и взоръ его орлиный.
Зажгла малиновый фонарь
И плачетъ на груди кузины.
Какъ обманулъ ее алтарь!
Грустить. Изъ небольшой корзины
На блюдечко кладетъ малины.
И апатично, впредь какъ встарь,
Горитъ малиновый фонарь.

6.

Ахъ, барышня, я Васъ виню,
Что вы сестры не окрылили,

Что вмѣсто каталога лилій
Позволили взглянуть въ меню...
Я словъ своихъ не измѣню
И, безъ особенныхъ усилій,
Ахъ, барышня, я Васъ виню,
Что вы сестры не окрылили.
Мужъ хочетъ ѣсть? ну, дать свинью;
Глядишь, цыпленкомъ угостили;
Но вы же сами — въ „новомъ стилѣ“,
И вдругъ — не допустить къ огню?..
Да, барышня, я Васъ виню...

„Мыза Пустомержа“.
1913.

ОНА И ОНѢ.

Ночѣетъ паркъ, отишенъ весь безстыжей тьмой.
Я прохожу, хожу, брожу по тьмѣ, во тьмѣ.
И знаю я, что ждетъ меня ея письмо.
И хорошо мнѣ оттого, и сонъ — въ умѣ.

Здѣсь нѣтъ ея, но здѣсь онѣ, и много ихъ.
Что ты шипишь, хрипишь, скрипишь, ворчишь,
скамья?
Да, я сидѣлъ на трухло-злыхъ столбахъ твоихъ.
Да, до нея и не она была моя.

И много ихъ. И мнѣ не счесть. Ну да, ну да.
Все знаю я. Все помню я. Хочу забыть,
Какъ на травѣ, какъ на скамьѣ, какъ у пруда
Случайныхъ дѣвъ хотѣлъ въ мечту я осудьбить...

Душа внѣ тѣла, ты — мечта! А груда тѣлъ,
Тѣлъ внѣ души — возмездье жизни за мечту.
Пока я ею до конца не овладѣлъ,
Души другой (и ни одной!) я не прочту...

Гатчина.
1911. Ноябрь.

ТАКЪ УЖЪ СКАЗАЛОСЬ...

О своей любви Вы мнѣ не говорите:
Я люблю мужа, у меня дѣти;
Не трудитесь разставлять сѣти,
А если пылаете, — сгорите!..

Меня коробятъ ваши признанья,
Вы меня не уважаете. Оставьте.
Отъ сантиментальностей избавьте,
Или — я скажу: „до свиданья".

Ахъ, я хотѣла сказать: „прощайте",
А сказалось отчего-то: „до свиданья"...
Ну что же дѣлать? Въ наказанье
И вы можете сказать мнѣ: „прощайте..."

И дождетесь моего прощенья...
(Все должно прощаться до свиданья...)
О, не правда ли: мое оправданье—
Ваше наслажденье?

1911. Ноябрь.

КОРРЕКТНОЕ ПИСЬМО.

Тебѣ довѣряюсь: сочувствуй иль высмѣй,
Но выслушай нѣсколько строкъ.
Читая твои укоризныя письма,
Я снова печаленъ и строгъ.
Во многомъ права ты, мнѣ данная Богомъ
Сберечь отъ опаснаго рва.
Но, критикъ суровый, во многомъ, во многомъ,
Прости, несовсѣмъ ты права.
Тебя все смущаетъ: но кто же онъ? кто онъ?
Нахалъ? сумасшедшій? больной?
Новаторъ въ глазахъ современниковъ, клоунъ,
Въ глазахъ же потомковъ — святой.
Я развѣ не могъ бы писать примитивно
Безъ новыхъ метафоръ и словъ?
Я такъ и пишу иногда. Но наивно
Порой отъ запѣтыхъ стиховъ.
Твой ласковый голосъ когда-то мнѣ рекъ —
(Ты помнишь, мой другъ дорогой?)
Что я не новаторъ, что я — только лирикъ,

Дитя съ мелодичной душой...
Сужденье твое — мнѣ законъ: твой поклонникъ
Я весь, — съ головы и до ногъ.
Допустимъ, я лирикъ, но я — и ироникъ...
Прости. Я подавленъ и строгъ.

1912.

ТІАНА.

Тіана, какъ странно! какъ странно, Тіана!
Былое уплыло, былое ушло...
Я плавалъ морями, садился въ сѣдло,
Бродилъ пилигримомъ въ опалахъ тумана...

Тіана, какъ скучно! какъ скучно, Тіана!
Мадлэна — какъ эхо... Мадлэна — какъ сонъ...
Я больше уже ни въ кого не влюбленъ:
Влюбляются сердцемъ, но — какъ, если — рана?..

Тіана, какъ жутко! какъ жутко, Тіана!
Я пилъ и выплескивалъ тысячи душъ
И дѣвьихъ, и женскихъ, — все то же; къ тому жъ
Кудеснѣй всѣхъ женщинъ — ликеръ изъ банана!..

Тіана, какъ дико! мнѣ дико, Тіана,
Вложить вамъ билеты въ лиловый конвертъ
И ждать на помпезный поэзоконцертъ:
Вѣдь прежде такъ просто — луна и поляна.

И вдругъ — вы, снѣгурка, нимфея, ліана,
Вернули мнѣ снова всѣ миги тѣхъ лѣтъ,
Когда я былъ робкій, безвѣстный поэтъ,
О славѣ мечтавшій, — безъ славы дурмана...
Тіана, какъ больно! мнѣ больно, Тіана!

1913. Ноябрь.

КЛАДБИЩЕНСКІЯ ПОЭЗЫ.

I.

Да, стала лирика истрепаннымъ клише.
Трагично-трудно мнѣ сказать твоей душѣ
О чемъ-то сладостномъ и скорбномъ, какъ любовь,
О чемъ-то плещущемъ и буйномъ, точно кровь.

И мнѣ невѣдомо: хочу сказать о чемъ,
Но только надобно о чемъ-то. Быть плечомъ
Къ плечу съ любимою, глаза въ глаза грузя.
Такъ мало можно намъ, а сколькаго нельзя!

Какою нѣжностью исполнена мечта
О дѣвоженщинѣ, сковавшей мнѣ уста
Противоплесками чарующихъ рѣчей,
Противоблесками волнующихъ очей!

Не то въ ней дорого, что вложено въ нее,
А то, что сердце въ ней увидѣло мое,
И такъ плѣнительно считать ее родной,
И такъ значительно, что нѣтъ ея со мной...

Мадлэна милая! Среди крестовъ вчера
Бродя съ тобой вдвоемъ, я думалъ: Что жъ, пора
И намъ измученнымъ... И сладокъ былъ ознобъ,
Когда — намъ встрѣчные — несли дубовый гробъ

И поворачивали мы, — плечо къ плечу, —
И поворотомъ говорили: „не хочу".
Но вновь навстрѣчу намъ, и намъ наперерѣзъ,
И нагоняя насъ, за гробомъ гробъ воскресъ.

И были мертвенными контуры живыхъ,
Подъ завыванія о мертвыхъ дорогихъ,
И муть брезгливости, и тошнота, и страхъ
Насъ въ глушь отбросили...

Живой на мертвецахъ,
Какъ я скажу тебѣ и что скажу, когда
Все всяко сказано ужъ разъ и навсегда?!

1914. Декабрь.

II.

Вы на одиннадцатомъ номерѣ, изъ Дѣвьяго монастыря,
Домой вернулись въ черной кофточкѣ и въ шляпѣ бѣломѣховой,
Съ лицомъ страдальческимъ, но огненнымъ, сереброморозовой мечтой горя,
И улыбаясь смутно — милому, чуть вздрагивая головой.

И было это въ полдень солнечный, въ одну изъ нашихъ зимнихъ встрѣчъ

На парковоаллейныхъ кладбищахъ, куда на часъ
иль полтора
Съѣзжались мы безцѣльно изрѣдка,—давнишнія-ль
мечты сберечь,
Глаза-ль ослёзить безнадежностью, иль въ завтра
претворить вчера...

Какъ знать? да и зачѣмъ, любимая? Но „незачѣмъ"
больнѣй „зачѣмъ":
„Зачѣмъ" плѣнительно безвѣстностью, а „незачѣмъ" собой мертво.
Такъ мы встрѣчались, разнотропные, наперекоръ
всему и всѣмъ,
Мы, не встрѣчаться не сумѣвшіе во имя чувства
своего...

Ни поцѣлуя, ни объятія—лишь слезы, взоры и
слова.
Слегка присѣвъ на холмъ оснѣженный, а часто—
стоя тайный часъ.
Какой озлобленною нѣжностью зато кружилась
голова!
Какою хлесткой деликатностью звучало—„Вы" и
„Вамъ", и „Васъ".

Назвать на „ты" непозволительно; и въ голову
мнѣ не придетъ
Васъ звать на „ты", когда дѣйствительно Вамъ
дорогъ Вашъ привычный мужъ.
Особенно Вы убѣдительна, что легче не встрѣчаться годъ,
Что эти встрѣчи унизительны, что надобность
скрывать ихъ — ужасъ!..

О, любящая двух мучительно! Вам муж, как
мне моя жена:
Ни в мужа, ни в жену влюбленные и ни друг
в друга,—в Красоту!
Пленительнейшая трагедия! Душа, ты скорбью
прожжена!
Зато телесно неслиянные, друг в друге видим
мы Мечту!

1914. Декабрь.

Чего-то жду, кого-то жду...
Такъ страстно жду весь день...
Сирень, сирень въ моемъ саду!
Въ моемъ саду — сирень!

Цвѣти, звени, пылай, мой садъ,
Господь тебя храни!
Какіе дни теперь стоятъ!
Ахъ, что это за дни!

Эст-Тойла.
1914. Май.

БАЛТИКА.

Балтійская поэза.

1.

О, море нѣжное мое, Балтійское,
Ты — миловиднѣе всѣхъ-всѣхъ морей!
Вотъ я опять къ тебѣ, вотъ снова близко я,
Тобой отвоенный, для всѣхъ ничей...

2.

О, Сканда-Балтика, невѣста Эрика!
Тебѣ я съ берега
Дарю вѣнокъ...
Ты, лебедь бѣлая, голубка сизая,
Поешь капризово
У барда ногъ.

3.

Въ цвѣтахъ апрѣлести,
Въ улыбкахъ весени,

Въ алмазахъ юности,
Въ мечтахъ любви
Пою я прелести
И тоны плѣсени,
И среброструнности,
Мое, твои!

4.

О, дѣва-женщина!
Ты овселенчена
Своими предками,
Родивши ихъ...
Кличъ орлій викинговъ
Зыбучихъ митинговъ
Словами мѣткими
Вмѣщаешь въ стихъ.

5.

Фатой вѣнечною
Туманъ опаловый
Тебя изласкаетъ
И задрапритъ,
И нѣгой вязкою
Закатъ коралловый,
Лазурно-млечное,
Въ тебѣ сгоритъ.

6.

Да, я опять къ тебѣ! Да, снова близко я.
И вновь восторженно тебя пою,
О, море милое мое, Балтійское,
Ты, воплотившее Мечту мою!

Корфъ-Веймарнъ.
1913.

БАЛТІЙСКІЯ КЭНЗЕЛИ.

Въ пресвѣтлой Эстляндіи, у моря Балтійскаго,
Лилитнаго, блеклаго и неуловимаго,
Гдѣ вьются кузнечики скользяще-налимово,
Для сердца усталаго — такъ много любимаго,
Святого, желаннаго, родного и близкаго!

И въ часъ ранне-утренній, и въ полдень обѣденный,
И въ сумерки росныя въ мой садъ орезеденный
Въ пресвѣтлой Эстляндіи, у моря Балтійскаго,
Столпляются дѣвушки... Но съ профилемъ Эдинымъ
Приходитъ лишь изрѣдка застѣнчиво-рисково...

О, съ профилемъ Эдинымъ! Мнѣ сердце обрызгала
Косою, — оволнила. И къ берегу южному
Залива Финляндскаго, сквозь дѣвушекъ дюжину,
Все ближе ледяная сафирно-жемчужная
Пресвѣтлой Эстляндіи царица Балтійская!

Эст-Тойла.
1914. Май.

ЭСТЛЯНДСКАЯ ПОЭЗА.

Андрею Виноградову.

Распахните всѣ рамы у меня на террасѣ, распахните всѣ рамы —
Истомило предгрозье. Я совсѣмъ задыхаюсь. Я совсѣмъ изнемогъ.
Надоѣли мнѣ лица. Надоѣли мнѣ фразы. Надоѣли мнѣ „драмы".

Уходите подальше, не тревожьте. Всѣ двери я запру на замокъ.
Я весь день и весь вечеръ просижу на террасѣ, созерцая то море,
То особое море, нѣтъ которому равныхъ во вселенной нигдѣ.
Помню Ялту и Дальній, и Баку съ Таганрогомъ. На моряхъ, — я не спорю.

Но Балтійское море развѣ съ тѣми сравнится при полярной звѣздѣ?..
Это море — снѣгурка. Это море — трилистникъ. Это — вишенъ цвѣтенье.
Это — призракъ безчертный. Эрикъ, принцъ свѣтлоокій. Это море Лилитъ.
Ежецвѣтно. Капризно. Несказанно-больное. Все — порывъ. Все — мгновенье.

Все влеченье и зовы. Вѣнценосная Сканда. Умо-
ляя — велитъ.

Оттого-то и домъ мой — надъ отвѣснымъ обры-
вомъ у любимаго моря.
Миновало предгрозье. Я дышу полной грудью.
Отдыхаю. Живу.
О, сказанья про Ингридъ! О, Норвегiи берегъ! О,
эстляндскiя зори!
Лишь въ Эстляндiи свѣтлой мнѣ дано васъ уви-
дѣть наяву! наяву!

Эст-Тойла.
1914. Май

ОСЕНИ ПРЕДЧУВСТВІЕ.

Заалѣютъ клены и залимонѣютъ, будутъ ало-желты.
Побурѣетъ въ буряхъ море голубое, голубое небо,
Будетъ въ зоряхъ холодъ, въ вечерахъ — угрозье,
въ полдняхъ — хлаже золото.
Хочешь иль не хочешь — сердцемъ затоскуешь отъ
нѣмого гнѣва.

Ахъ, землѣ сочувствуй, — осудить опасно: послѣ
жатвы тяжко.
Надо же на отдыхъ: хлѣбъ свой оправдала тру-
женица-матка.
Всѣхъ она кормила: и крестьянъ, и птичекъ, трав-
ку и барашка.
Смертно вы устали: ты, земля, и лошадь, рыжая
лохматка.

Отдохните осень, отдохните зиму. Пробудитесь
къ марту.
Съ помощью Господней, помощью надежной, снова
за работу.
Приходи, старуха, въ старой желтой кофтѣ! вы-
мечи-ка карту
На свою погибель, предсказавши солнцу къ маю
позолоту.

Эст-Тойла.
1914. Май.

ПИСЬМО НА ЮГЪ.

Нашъ почтальонъ, какъ другъ прилежный,
Которому чего-то жаль,
Принесъ мнѣ вашу carte-postale
Въ лиловый влажный безмятежный
Іюньскій вечеръ. Другъ мой нѣжный,
Онъ отемнилъ мою печаль—
Открытки вашей тонъ элежный.

Мы съ вами оба у морей,
У парусовъ, у рыбъ, у гребли.
Вы въ осонетенномъ Коктэблѣ,
А я у ревельскихъ камней,
Гдѣ, несмотря на знои дней,
Поля вполную не нахлѣбли,
Но съ каждымъ днемъ поля сильнѣй.

...Скажи, простятся ль намъ измѣны
Селу любезному? зачѣмъ
Я здѣсь вотъ, напримѣръ? и съ кѣмъ
Ты тамъ, на югѣ? Что намъ пѣны,
Въ концѣ-концовъ?!. что намъ сирены?!
Я къ намъ хочу! и вотъ— я нѣмъ
У моря съ запахомъ вервэны...

Эст-Тойла.
1914. Іюнь.

ЭКСТАЗА.

О, ландышевая сирень! оранжевыя облака!
Закатно-лимонное море безволное!
Несбыточная Мадлэнъ! О, вѣровая тоска!
О, сердце—минувшимъ, какъ будущимъ, полное!
И только. И больше ни чувства, ни слова.
Все живо, какъ прежде. Какъ прежде все
ново.

Какъ прежде!..
Безсмертныя настроенія:
Сирень ландышевая...
Облака оранжевыя...
Въ надеждѣ
Да святится мгновеніе!

Эст-Тойла.
1914. Іюнь.

ВЕРВЭНА.

Какъ пахнетъ моремъ отъ вервэны
И устрицами, и луной!
Всѣ клѣточки твои, всѣ вены
Кипятъ вервэновой волной.

Цѣлую ли твои я вѣки,
Смотрюсь ли въ зеркала очей,
Я вижу сонъ чаруйный нѣкій,
Въ которомъ море все свѣжѣй.

Неистолимою прохладой
Туда, гдѣ крапчатый лосось,
Гдѣ чайка взрѣяла Элладой,
Влекусь я въ моревую сквозь.

Но только подойду я къ морю,
Чтобъ тронуть шлюпки бичеву,
Со сномъ чаруйнымъ вплавь заспорю,
Къ тебѣ у моря воззову!

Повѣетъ отъ волны вервэной,
Твоею блузкой и косой.
И, смутнымъ зовамъ неизмѣнный,
Я возвращусь къ тебѣ съ тоской.

Эст-Тойла.
1914. Іюнь.

ПИСЬМО ХОРОШЕЙ ДѢВУШКИ.

Милый, добрый! пожалѣйте
Бѣдную свою пичужку:
Мельницу сломали нашу,
Нашу честную старушку.

Больно. Тяжко. Безтолково.
Все былое рушатъ, губятъ.
Люди ничего святого,
Дорогого намъ, не любятъ.

Знали бъ вы, какъ я тоскую!..
Потоскуемте же вмѣстѣ...
Можетъ быть, теперь пивную
Выстроятъ на этомъ мѣстѣ?!.

Пусть не смѣютъ,—я сломаю!
Отомщу за честь старушки!
Добрый, милый! вы поймите:
Няня!.. мельница!... игрушки!..

Эст-Тойла.
1914. Іюнь.

РОНДЕЛЬ БѢЛОИ НОЧИ.

Сегодня волны не звучатъ,
И облако—какъ бѣлолилія.
Вотъ англійская эскадрилія
Плыветъ изъ Ревеля въ Кронштадтъ.
Ты на балконѣ шоколадъ
Кусаешь, кутаясь въ мантиліи.
Сегодня волны не звучатъ,
И облака —какъ бѣлолиліи.
Я у забора. Горный скатъ.
Ахъ, лѣнно сдѣлать мнѣ усилія—
Сбѣжать къ водѣ: вотъ если бъ крылія!
Я странной нѣмотой объятъ
И жутью: волны не звучатъ.

Эст-Тойла.
4914. Іюнь.

ОКТАВА.

Татіанѣ Краснопольской.

Заволнуется море, если вечеръ вѣтрѣетъ.
Если вечеръ вѣтрѣетъ, не слыхать мандолинъ.
А когда вечеръ соненъ, захоти,—и зарѣетъ,
И зарѣетъ надъ моремъ голубой Вандэлинъ.
Вандэлинъ околдуетъ, Вандэлинъ обогрѣетъ,
Обогрѣетъ живущихъ у студеныхъ долинъ.
У студеныхъ долинъ, гдѣ пріютъ голубей,
Замиражится принцъ, бирюзы голубѣй!

1910. Августъ.

ПОЭМА МЕЖДУ СТРОКЪ.

I.

Мечты мои всегда у моря —
Того, откуда я бѣжалъ,
Себя безвольемъ опозоря,
Боясь любви, какъ змѣйныхъ жалъ...

Я помню: сумерки лиловы...
Да, сѣверъ, сумерки и май...
Идемъ втроемъ. Ихъ двѣ. Какъ новы!
Какъ неисчерпаны!—познай!

Олѣсенное побережье
И повороты, и холмы...
Какая нѣга! фразы рѣже. .
И нѣтъ ли насъ? И есть ли мы?..

Ахъ, я не знаю, не узнаю,
Какъ я не зналъ тогда, тогда!..
Но къ сѣверу, но къ морю, къ маю! —
Всегда не здѣсь, всегда туда!

Не отъ того, что здѣсь мнѣ плохо:
Мнѣ лучше, мнѣ милѣе здѣсь,
Но не сдержать о прошломъ вздоха,
И я—такъ что жъ?—я въ прошломъ весь...

2.

Стояли въ полночь у обрыва
Я, мой Перунчикъ и жена...
Какъ Эда Финскаго залива,
Свѣтила блондная луна...

О той я думалъ. У рыбачьихъ
Хибарокъ, лодокъ и сѣтей
Сверкнули глаза два горячихъ,
Меня зовущихъ изъ вѣтвей...

Я вздрогнулъ,—я шагнулъ для спуска!
Смѣлѣй съ уступа на уступъ!
Звала батистовая блузка
И очеркъ тѣхъ,—вервэнныхъ,—губъ...

Но тихо мнѣ жена сказала
Съ неизмѣнившимся лицомъ:
«Пусть подождетъ дочь адмирала,
Не торопись,—мы всѣ сойдемъ»

Какъ можно было въ силуэтѣ
Среди деревьевъ, сверху внизъ,
Узнать соперницу—въ отвѣтѣ
Нуждается такой сюрпризъ...

3.

Дни, лепестковые какъ розы!..
Вдыханье счастья впопыхахъ!
...Елены Яковлевны слезы,
И мой передъ слезами страхъ...

ИЗЪ ЦИКЛА «СИРІУСЪ».

Сонетный варіантъ.

О ты, звѣзда лазореваго льда,
Ты, Сиріусъ сверкательно-кристальный,
Есть на тебѣ дворецъ,—онъ весь хрустальный!
Вокругъ него серебрится вода;
Повсюду снѣгъ; но снѣгъ тотъ не печальный:
Лазурно-бѣлъ и бархатно-пушистъ;
Онъ видъ всегда хранитъ первоначальный
И до сихъ поръ, какъ въ день созданья, чистъ.
Я покажу тому, чей взоръ лучистъ,
Всѣ чудеса открытой мной планеты.
Вы слышите? — поютъ мои сонеты,
Ледяный этихъ серебрянъ и душистъ.
Лети, корабль, на Сиріусъ, — туда,
Въ кольцо волшбы лазореваго льда!

1909. Декабрь.

ВЕЧЕРОМЪ ЖАСМИНОВЫМЪ.

Сочнымъ вечеромъ жасминовымъ, подъ лимоный плескъ луны,
Повстрѣчалась ты мнѣ, грѣшница съ бѣлой лиліей въ рукѣ...
Я приплылъ къ очамъ души твоей по лунящейся рѣкѣ...
Берега дремали хлѣбные — золотые галуны.

Распустила косу русую, — проскользнула въ рожь коса
И скосила острымъ волосомъ звѣздоликій василекъ.
Улыбнулась лепестковая, и завился мотылекъ —
Не улыбка-ль воплощенная?... Загудѣло, какъ оса...

Сердце тихо очаровано... Сердце ранено чуть-чуть...
Захлебнулся умъ въ забвеніи... Вдалекѣ — віолончель...
Сочнымъ вечеромъ жасминовымъ сядь на лунную качель:
Будетъ съ лиліями грѣшница и чарующая чудь...

1910. Мартъ.

ЭТО ТОЛЬКО ВЪ ЖАСМИНѢ...

Это только въ жасминѣ... Это только въ сирень...
Проклинается городъ надрывно...
Заночѣетъ бѣло, — и въ просторъ деревень
Окрыляется сердце порывно...

И не хочется сна... И зачѣмъ ты одинъ?...
Кто-то бродитъ въ ничемъ... Что-то въ комъ-то...
Это только въ сирень... Это только въ жасминъ...
Это только узоры экспромпта...

1912. Весна.

И ОНА УМЕРЛА МОЛОДОЙ...

Я хочу умереть молодой...

Мирра Лохвицкая.

И она умерла молодой,
Какъ хотѣла всегда умереть!..
Тамъ, гдѣ ива груститъ надъ водой,
Тамъ покоится нынѣ и впредь.
Какъ бывало, дыханьемъ согрѣть
Не удастся ей сумракъ густой,
Молодою ждала умереть,
И она умерла молодой.

Отъ проѣзжихъ дорогъ въ сторонѣ
Есть кладбище, на немъ — островокъ,
И въ гробу, какъ въ дубовой бронѣ,
Спитъ царица безъ слезъ, безъ тревогъ.
Спитъ и видитъ сквозь землю, — насквозь,—
Кто-то свѣтлый склонился съ мечтой
Надъ могилой и шепчетъ: „сбылось, —
И она умерла молодой".

Этотъ, грезой молящійся, — кто?
Онъ пѣвалъ ли съ почившей дуэтъ?
Сколько веснъ душой прожито?
— Онъ поэтъ! онъ поэтъ! онъ поэтъ! —
Лишь поэту она дорога,
Лишь поэту сіяетъ звѣздой!
Мирра въ старости зрила врага, —
И она умерла молодой.

1909. Май.
Мыза „Ивановка".

НѢТЪ НИЧЕГО.

Молодость кончилась какъ-то сразу.
Ночью увяла въ саду сирень.
Я не влюбляюсь больше ни разу.
Даже лѣниться, лѣниться — лѣнь!

Было когда-то все голубое:
Негодованье, порывъ, тоска.
Было когда-то все молодое,
И безразличье — теперь, пока...

Но если «пока» — навѣкъ, безъ срока?
Удастся ль въ «опять» претворить его?
Надѣюсь безумно! Хочу жестоко!
И нѣтъ ничего, какъ нѣтъ ничего!...

Мыза „Ивановка“
1914. Сентябрь.

ЗАГОРНОЙ.

Въ столицѣ Грузіи загорной,
Спускающейся по холмамъ
Къ рѣкѣ неряшливо-проворной,
Есть милое моимъ мечтамъ.

Но тѣмъ страннѣй мое влеченье
Въ тѣ чуждые душѣ края,
Что никакого впечатлѣнья
Отъ нихъ не взялъ на сѣверъ я.

И тѣмъ страннѣе для разсказа,
Что не смутила ни на мигъ
Меня загадочность Кавказа
(Я Лермонтова не постигъ...)

Однако, въ Грузіи загорной
Есть милое моимъ мечтамъ:
Я вижу женщину, всю черной,
Кому я имени не дамъ.

Она стройна, мала и нервна,
Лицо безкровно, все — вопросъ,
Оно трагически безгнѣвно
И постоянно, какъ утесъ.

Уста умершей; уголками
Слегка опущены; сарказмъ
И чувственность—въ извѣчной драмѣ;
Въ глазахъ—угрозье горлоспазмъ.

Не встрѣтите на горныхъ шпиляхъ
Ее «съ раздумьемъ на челѣ»:
Она всегда въ автомобиляхъ,
Она всегда навеселѣ!

Я не пойму—ты явь иль пѣна
Прибоя грёзъ моихъ, но вввѣкъ
Ты въ памяти запечатлѣна,
Нечеловѣчій человѣкъ.

1913. Октябрь.

СЕГОДНЯ НЕ ПРИДУ...

Сегодня не приду; когда приду — не знаю..

Ея телеграмма.

„Сегодня не приду; когда приду—не знаю..."
Я радуюсь веснѣ, сирени, солнцу, маю!
Я радуюсь тому, что вновь растетъ трава!
— Подайте мой моторъ. Шоффэръ, на Острова!

Пускай меня къ тебѣ влечетъ неудержимо,
Мнѣ хочется забыть, что я тобой любима,
Чтобъ чувствовать острѣй весенній этотъ день,
Чтобъ слаже тосковать...
— Въ сирень, шоффэръ! въ сирень!

Я такъ тебя люблю, что быть съ тобою вмѣстѣ
Порой мнѣ тяжело: ты мнѣ, своей невѣстѣ,
Такъ много счастья далъ, собой меня впитавъ,
Что отдыхъ отъ тебя среди цвѣтовъ и травъ...

Пощады мнѣ, молю! Я требую пощады!
Я видѣть не могу тебя и мнѣ не надо...
— Нельзя ли по морю, шоффэръ?.. а на звѣзду?..
Чтобъ только какъ-нибудь: „сегодня не приду"...

Эст-Тойла.
1914. Іюнь.

АМУЛЕТЫ.

Звенѣли ландыши во мху,
Какъ сребротканный колокольчикъ,
И бѣлки, въ шубкахъ на мѣху,
Сгибали хвостики въ колечки.
О, красота пушистыхъ кольчекъ!
О, бѣлокъ шустрыя сердечки!

И было красочно вездѣ
Въ могучій, бравый полдень мая;
И птички трелили въ гнѣздѣ,
Кричали утки, какъ китайцы,
И, хворостъ радостно ломая,
Легко попрыгивали зайцы.

Была весна, былъ май—самъ сонъ!
Любилось пламенно, но строго...
Былъ пышнокудръ еще Самсонъ!..
Коляска, тройка и бубенчикъ...
Къ тебѣ знакомая дорога...
О, май! о, бѣлочка! о, птенчикъ!

1910. Февраль.

ВЕСЕННІЙ МАДРИГАЛЪ.

Въ душистомъ бѣлорозовомъ горошкѣ
Играютъ двѣ батистовыя крошки.
Постукиваютъ ножки по дорожкѣ.
Показываетъ бонна дѣтямъ рожки.
О, фрейлейнъ! Вы и пара вашихъ крошекъ—
Душистый бѣлорозовый горошекъ.

1911. Май.

СЕРДЦУ ДѢВЬЕМУ.

Сонкѣ.

Она мнѣ принесла гвоздику,
Застѣнчива и молода.
Люблю лѣсную землянику,
Въ брильянтовые холода!

Разсказывала о концертѣ
И о столичномъ томъ и семъ;
Но видѣлъ поле въ дѣвьемъ сердцѣ,
Ручьи межъ лилій и овсомъ...

Я знаю: вечеромъ, за книгой,
Она такъ ласково взгруcтнетъ,
Какъ векшѣ, сердцу скажетъ: „прыгай!"
И будетъ воль, и будетъ гнетъ...

Съ улыбкою, сомкнувъ рѣсницы,
Припомнитъ ольхи и родникъ,
И впишетъ четкія страницы
Въ благоуханный свой дневникъ.

1913.

ЗАКЛИНАНІЕ.

Татіанѣ Краснопольской.

На клумбѣ у меня фіалка
Все больше — больше съ каждымъ днемъ.
Не опали ее огнемъ,
Пчела, летучая жужжалка.
Тебѣ ее да будетъ жалко,
Какъ мнѣ тебя: мы всѣ уснемъ.

Эст-Тойла.
1914. Май.

ОДНО ИЗЪ ДВУХЪ.

Ты въ жизнь вошла въ колье жемчужномъ
Горда, сверкательна, строга.
Глаза, проникнутые южнымъ,
Омрáченные жемчуга.

И встрѣченному незнакомцу,
Который такъ безбрежно жилъ,
Ты поклонилась, точно солнцу,
И встрѣчный близокъ сталъ и милъ.

Сердца улыбно укачали
И утолились до зерна...
Но жемчуговъ твоей печали,
Какъ прежде, матовость черна.

Твой черный жемчугъ цѣломудренъ,
Невинна темная душа,
И дѣвственный твой ликъ окудренъ.
Ты ожиданьемъ хороша.

Ты ждешь со страстностью упорной
Иного встрѣчнаго, когда
Зарозовѣетъ жемчугъ черный,
А нѣтъ—погаснетъ навсегда!

1913. Январь.

ПѢСЕНКА ГОРНИЧНОЙ.

Пошла бродить я пò полю
И прислонилась къ тополю...
Смотрю: а рядомъ перепелъ
Всю воду въ лужѣ перепилъ...
Смотрю, лягушекъ дюжина
На солнышкѣ сконфуженно
Присѣла и не прыгаетъ,
Ногами только дрыгаетъ...
Залюбовалась пчёлками
Съ взлохмаченными чёлками
И восхитилась осами
Съ расчесанными косами...
Глазами жадно-прыткими
Любуясь маргаритками,
Я собрала букетики
Себѣ и другу Петькѣ...
Въ лѣсу, у муравейника,
Связала я три вѣника
И поспѣшила вечеромъ
Я на свиданье съ кучеромъ...

1911. Іюль.
Дылицы.

ПОЭЗА ТРЕХЪ ПРИНЦЕССЪ.

Моя дежурная адъютантэсса,—
Принцесса Юнія де-Віантро,—
Вмо̂лнилась въ комнату быстрѣй экспресса,
И доложила мнѣ, смѣясь остро:

— Я къ Вамъ по поводу Торквато Тассо...
Въ гаремѣ—паника. Грозитъ бойкотъ...
Въ негодованіи княжна Инстасса
И къ свѣтозарному сама идетъ.

Мнѣ даже некогда пригубить жало,
И взоръ спреневый плеснуть въ лазорь:
Бѣгу—мороженое изъ фіалокъ
Вамъ выльдить къ празднику Лимонныхъ Зорь...—

И фіолетовая, какъ черника,
Фигурка Юніи газѐлитъ въ садъ.
Дверь раскрыляется, и Вероника
Уже готовится журчать докладъ:

— Я къ Вамъ по поводу Торквато Тассо...
Въ гаремѣ—паника. Грозитъ бойкотъ...
Въ негодованіи княжна Инстасса,
И къ свѣтозарному сама идетъ.

Но—ахъ!—мнѣ некогда къ Вамъ на колѣни,
„Кальвиль раздорія“ среди принцессъ:
Варить приходится ликеръ сирени
Для неисчерпываемыхъ поэзъ.—

И точно ласточка въ окно порхнула,
Слегка вервэною проколыхавъ...
Віолончелили отъ меццо-гула
Въ саду наструненныя души травъ...

И въ этихъ отгулахъ рванулись двери,—
И изумительнѣйшій гастрономъ,
Знатокъ изысканнѣйшихъ, эксцессерій,
Инстасса въѣхала на ворономъ.

— Мы, изучавшія Торквато Тассо
По повелѣнію, по твоему,—
Всѣ перессорились... Но я, Инстасса,
Всѣхъ оправдаю я и все пойму.

Утишу бѣшенство и шумъ базарный,
Всѣхъ женъ разрозненныхъ объединя,
Лишь ты, мечтанный мой, мой свѣтозарный,
Впусти не въ очередь къ себѣ меня!—

1915. Январь.

ПИСЬМО-РОНДО.

Съ курьерскимъ, въ пять, я радостно прiѣду
Къ тебѣ, Олегъ, и будешь ты опять
Встрѣчать меня. Везу тебѣ побѣду
Съ курьерскимъ, въ пять.

Что хочешь, дѣлай все со мной. Распять
Ты, можетъ быть, свою захочешь Эду
За годы тѣ, что намъ пришлось страдать.

Простишь ли, нѣтъ—неважно мнѣ. Но „Леду"
Изволь къ пяти на станцiю прислать:
Имѣй въ виду, что буду я къ обѣду,
Съ курьерскимъ, въ пять.

1915. Январь.

МЕТЁЛКА-САМОМЁЛКА.

Съ утра ушелъ Ермолка
Къ елани по грибы.
Метёлка-самомёлка
Въ углу его избы.

Ермолкина свѣтелка
Углами не красна.
Метёлка-самомёлка,
Изба тебѣ тѣсна!

Вдругъ ощетинясь колко,—
Безъ цѣли, безъ пути,—
Метёлка-самомёлка
Пошла себѣ мести!

Окурокъ и иголку,
Опорки, самоваръ
Метёлка-самомёлка
Гребетъ, войдя въ коваръ.

Сгребаетъ все безъ толка
Въ Ермолкиной избѣ
Метёлка-самомёлка,
Смѣется, знай себѣ!

Айда на дворъ! глядь, ёлка!
А тамъ и цѣлый лѣсъ...
Метёлка-самомёлка
Сильна, какъ Геркулесъ.

Какъ-будто богомолка
Въ мужскомъ монастырѣ,
Метёлка-самомёлка
Ширѣетъ на дворѣ...

Глядь, мельня-мукомолка,—
И тотчасъ же мука
Метёлкой-самомёлкой
Взвитà подъ облака!

Сметаетъ рощи, волка,
Деревни, города.
Метёлка-самомёлка,
Метеніемъ горда.

Такая ужъ веселка:
На нивы, хоть мала,
Метёлка-самомёлка
Всѣ рѣки намела!

Все въ кучу: слонъ и кролка!
Америка, Китай!
Метёлка-самомёлка,
Мети себѣ, катай!

...Метёлка-самомёлка,
Гдѣ, бывшее Землей?..
Живи въ вѣкахъ, Ермолка,
Прославленный метлой!

Мыза „Ивачовка".
1914. Іюль.

ПОЭЗА ДѢТСТВА МОЕГО И ОТРОЧЕСТВА.

I.

Когда еще мнѣ было девять,
Какъ Кантэнакъ—стакана, строфъ
Искала крыльчатая лебедь —
Душа, вдыхая Петергофъ.
У насъ была большая дача,
Въ саду игрушечный котэджъ,
Гдѣ я, всѣхъ взрослыхъ озадача,
Отъ нѣги вешней могъ истечь.
Очаренъ Балтикою дѣвной,
Оласканъ шелестами дюнъ,
Уже я грезилъ королевной
И звономъ скандинавскихъ струнъ.
Я съ первыхъ весенъ былъ отрансенъ!
Я съ первыхъ весенъ былъ грезэръ!
И золотомъ тисненный Гранстрэмъ—
Мечты галантный кавалеръ.
По волнамъ шли сѣдые дѣды—
Не паруса ли каравеллъ?—

И отчего-то изъ «Рогнѣды»
Мнѣ чей-то дѣвій голосъ пѣлъ...
А въ штормъ высокій теноръ скальда
Его глушилъ—возвѣстникъ славъ...
Шелъ на могильный холмъ Руальда
По брынскимъ дебрямъ Изяславъ.
Мечты о дѣтствѣ! вы счастливы!
Вы хаотичны, какъ восторгъ!
Вы упояете, какъ сливы,
Лисицы, зайчики безъ норкъ!

2.

Но все-таки мнѣ девять было,
И былъ игрушечный котэджъ,
Въ которомъ—правда, это мило?—
Отъ грезъ ребенокъ могъ истечь...
Въ котэджѣ грезилъ я о Варѣ,
О смуглой сверстницѣ, о томъ,
Какъ, разъ, у мамы въ будуарѣ
Я повѣнчался съ ней тайкомъ.
Ну, да, нашъ бракъ былъ озаконенъ,
Иначе въ девять лѣтъ нельзя:
Коробкой тортной окороненъ,
Поцѣловалъ невѣсту я.

3.

Прошло. Прошло съ тѣхъ поръ лѣтъ двадцать'
И золотымъ осеннимъ днемъ
Случилось какъ-то мнѣ скитаться

По кладбищу. Цвѣло кругомъ,
Пестрѣло. У Коммиссаржевской
Благоухала тишина.
Вдругъ крестъ съ досчечкой, полной блеска
И еле слышимаго плеска:
Варюша С.—Моя жена!
Я улыбнулся. Что же болѣ
Я сдѣлать могъ? Ушла — и пусть.
Смѣшно бы говорить о боли,
А грусть... всегда со мною грусть!

4.

И все еще мнѣ девять. Дача —
Въ столицѣ дачъ. Сырой покровъ
Туманъ, конечно. Это значитъ —
Опять все тотъ же Петергофъ.
Сижу въ котэджѣ. Рядъ плетеныхъ
Миньонныхъ стульевъ. Я—въ себѣ.
А предо мною два влюбленныхъ
Наивныхъ глáза. То—Бэбэ.
Бэбэ! Но надо же представить:
Моя сосѣдка; молода,
Какъ я, но чуточку лукавитъ,
Однако, это не бѣда.
Мы съ ней вдвоемъ за файвъ-о-клöкомъ.
Она блондинка. Голосъ чистъ.
И на лицѣ лазурноокомъ—
Улыбка, точно аметистъ.
Бэбэ печальна, но улыбитъ
Свое лицо, а глазы внизъ.
Она молчитъ, и чай нашъ выпитъ.
И вскорѣ насъ принудитъ миссъ,

Подъѣхавъ въ англійской коляскѣ,
Съ собою ѣхать въ Монплезиръ,
Гдѣ франтамъ будетъ дѣлать глазки,
А дѣти въ неисходной ласкѣ
Шептать: „но это жъ... votre plaisir?..“

5.

Череповецъ! Пять лѣтъ я прожилъ
Въ твоемъ огрязненномъ снѣгу,
Гдѣ каждый реалистъ острожилъ,
Гдѣ было пьянство и разгулъ.
Что не учитель—Передоновъ,
Что не судеецъ—Хлестаковъ:
О, сколько муки, сколько стоновъ,
Наивно-жалобныхъ листковъ!
Давно изъ памяти ты вытекъ,
Ничтожный городъ на Шекснѣ,
И мой литературный выдвигъ
Замедленъ по твоей винѣ...
Тебя забвѣю. Вѣчно мокро
Въ твоихъ обѣльменныхъ глазахъ.
Пускай грядущій мой біографъ
Тебя разноситъ въ пухъ и прахъ!

6.

О, Суда! голубая Суда!
Ты, внучка Волги! дочь Шексны!
Какъ я хочу къ тебѣ отсюда
Въ твои одебренные сны!
Осѣверивъ свои стремленья,
Тебя съ собой перекрыливъ,
Къ тебѣ, рѣка моя,—оленья
За твой стремительный извивъ.

Твой правый берегъ весь олѣсенъ,
На берегу лиловый домъ,
Гдѣ возжигала столько пѣсенъ
Пѣвунья въ тускло-золотомъ.
Я вновь желаю васъ оперлить,
Рѣка и дѣва, двѣ сестры:
Вѣдь каждая изъ васъ, какъ стерлядь:
Прозрачно-струйны и остры.
Теките въ свѣтъ, душой поэта,
Вы, русла моего пера,
Сестра-мечта Елисавета
И Суда, греза и сестра!

Петербургъ.
Декабрь. 1912.

КОЛЬЕ РОНДО.

1.

Въ мимозахъ льна, подъ западные блики,
Окаменѣла нѣжно влюблена,
Ты надъ рѣкой, босая и въ туникѣ,
Въ мимозахъ льна.

Ты отъ мечтаній чувственныхъ больна,
И что-то есть младенческое въ ликѣ,
Но ты, ребенокъ, слабостью сильна.

Ты ждешь его. И кличешь ты. И въ кликѣ
Такая страстность! Плоть закалена
Въ твоей мечтѣ. Придетъ ли твой великій
Въ мимозы льна?

2.

Окаменѣла, нѣжно влюблена,
И вотъ стоишь, безмолвна какъ Фенелла,
И надъ тобой взошедшая луна
Окаменѣла.

Твое лицо въ лунѣньи поблѣднѣло
Въ томленіи чарующаго сна,
И стало все вокругъ голубо-бѣло.

Возникнуть можетъ каждый мигъ страна,
Гдѣ чувственна душа, какъ наше тѣло.
Но что жъ теперь въ душѣ твоей? Она
Окаменѣла.

2.

Ты надъ рѣкой, босая и въ туникѣ,
И дѣешь чары съ тихою тоской.
Но слышишь ли его призыво-крики
Ты надъ рѣкой?

Должно быть нѣтъ: въ лицѣ твоемъ покой,
И лишь глаза восторженны и дики,
Твои глаза, колдунья подъ луной!

Воздвигъ камышъ свои изъ рѣчки пики.
Съ какою страстью бѣшеной, съ какой
Безумною мольбою къ грёзомыкѣ—
Ты надъ рѣкой!

4.

Въ мимозахъ льна олуненные глазы
Призывятъ тщетно друга, и одна
Ты жжешь свои безстыжіе экстазы
Въ мимозахъ льна.

А облака въ рѣкѣ то видъ слона,
То кролика пріемлютъ. Ухо фразы
Готово различить. Но—тишина.

И ткетъ луна сафировые газы,
Твоимъ призывомъ сладко плѣнена,
И въ душу льнутъ ея лучи-пролазы
Въ мимозахъ льна.

5.

Ты отъ мечтаній чувственныхъ больна,
Отъ шороховъ, намековъ и касаній.
Лицо какъ бы увяло, и грустна
Ты отъ мечтаній.

Есть что-то мудро-лживое въ туманѣ:
Какъ будто *тотъ*, но всмотришься—сосна
Чернѣетъ на офлеренной полянѣ.

И снова ждешь. Душѣ твоей видна
Вселенная. Уже безгранны грани.
Но это ложь! И стала вдругъ темна
Ты отъ мечтаній!

6.

И что-то есть младенческое въ ликѣ,
Въ его очахъ расширенныхъ. Чья вѣсть
Застыла въ нихъ? И разумъ въ знойномъ сдвигѣ
И что-то есть.

Что это: смерть? издѣвка? чья-то месть?
Невидимыя тягостны вериги...
Куда-то мчаться, плыть, летѣть и лѣзть!

Къ чему же жизнь, любовь, цвѣты и книги,
Разъ некому вручить дѣвичью честь,
Разъ душу переѣхали квадриги,
И что-то есть...

7.

Но ты, ребенокъ, слабостью сильна,—
И вотъ твой голосъ тонокъ сталъ и звонокъ,
Какъ предъ тобой бѣгущая волна:
Вѣдь ты—ребенокъ.

Но на форѣляхъ—розовыхъ коронокъ
Тебѣ не счесть. Когда придетъ весна,
Не всколыхнуть сиреневый просонокъ,

И въ немъ не счесть, хотя ты и ясна,
Спиральныхъ чувствъ души своей. Безсонокъ!
Готовностью считать ихъ—ты властна,
Но ты—ребенокъ...

8.

Ты ждешь его. И кличешь ты. И въ кликѣ—
Тріумфъ тщеты. И больше ничего.
Хотя *онъ* ликъ не выявитъ безликій,
Ты ждешь его.

И въ ожиданьи явно торжество,
И нервные въ глазахъ трепещутъ тики,
Но ты неумолимѣй оттого:

Разъ ты пришла вкусить любовь владыки
Своей мечты, безвѣстца своего,
Разъ ты рѣшила пасть среди брусники,—
Ты ждешь его!

9.

Такая страстность. Плоть закалена.
Во мракѣ жажды тѣла скрыта ясность.
Ты вѣрою въ мечту упоена:
Такая страстность!

Тебя не испугаетъ безучастность,
Пути къ тебѣ незнающаго. На
Лицѣ твоемъ—рѣшимость и опасность.

И вѣрою своей потрясена,
Ты обезумѣла. И всюду—красность,
Гдѣ лунопаль была: тебѣ дана
Такая страстность.

10.

Въ твоей мечтѣ придетъ ли твой великій?
Вѣдь наяву онъ вѣчно въ темнотѣ.
Что ты безумна—вѣрныя улики
Въ твоей мечтѣ.

И вотъ—шаги. Вотъ тѣни. Кто, вы, тѣ?
Не эти вы! но тотъ,—единоликій,—
Онъ не придетъ, дитя, къ твоей тщетѣ!

Высовываютъ призраки языки,
И прячутся то въ рѣчкѣ, то въ кустѣ...
И сколько злобы въ ихъ нещадномъ зыкѣ—
Къ твоей мечтѣ.

II.

Въ мимозахъ льна—ахъ!—не цвѣтутъ мимозы,
А только лёнъ!.. Но, грёза, ты вольна,
А потому—безуміе и слёзы
Въ мимозахъ льна.

Да освѣтится жизнь! Она тѣсна
Въ оковахъ зла. И въ безнадежьи прозы
Мечта на смерть всегда обречена.

Но я—поэтъ! И мнѣ подвластны грозы,
И грőзами душа моя полна.
Да превратятся въ дѣвушекъ стрекозы
Въ мимозахъ льна!

Петроградъ.
1915. Январь. 20-го.

«ПЕРУНЧИКЪ».

Петру Ларіонову.

Я хочу, чтобы знала Россія,
Какъ тебя, мой Перунчикъ, люблю,
Чтобы очи твои голубыя
Освѣтляли улыбку мою!

Въ тихой Гатчинѣ, въ паркѣ дворцовомъ,
У форелей, цвѣтовъ и лисицъ,
Ты живешь молодымъ, бевтолковымъ,
Весь пронизанный трелями птицъ.

Для тебя незамѣтно начальство,—
Ты свободенъ, восторженъ и дикъ.
Жизнь въ природѣ—пьянительнѣй вальса;
Утонувшій въ природѣ—великъ.

Русокудрый, плечистый, громадный,
Весь лазоревый и золотой,
Ты какой-то особо-отрадный:
Полупьяный и полусвятой!..

Ахъ, недаромъ же Фофановъ дивный,
Мой Перунчикъ, тебя полюбилъ:
Мой Перунчикъ—цыпленокъ наивный!
Мой Перунчикъ—эмблема всѣхъ силъ!

О, мой пламенный! мой вдохновенный,
Безталанный, но истый поэтъ!
Русскій! юный! весенній! нетлѣнный!
Мой сообщникъ грозовыхъ побѣдъ!

Кіевъ.
1914. Апрѣль.

II.

МОНУМЕНТАЛЬНЫЕ МОМЕНТЫ.

ГЕРМАНІЯ, НЕ ЗАБЫВАЙСЯ!

Германія, не забывайся! Ахъ, не тебя ли сдѣлалъ
Бисмаркъ?
Ахъ, не тебя ль Вильгельмъ Ораторъ могуще-
ственно укрѣпилъ?
Но это тяжкое величье солдату русскому на вы-
сморкъ!
Германія, не забывайся!—на твой расчетъ отвѣ-
томъ—пылъ!

Твое величье—въ мирномъ ростѣ; твоя политика
къ побѣдамъ—
Германія, не забывайся!—не приведетъ тебя, а
тутъ:
И наша доблестная Польша, и Прибалтійскій
край, сосѣдомъ
Къ тебѣ придвинутый, подъ скипетръ твоей дер-
жавы не взойдутъ.

Съ твоей союзницею наглой, съ Австро-Венгеркою,
задирой,
Тебѣ ль грёзэркой быть, буржуйка трудолюбивая?
тебѣ ль?!.
Германія, не забывайся! Дрожи передъ моею
лирой
И помни, что моя Россія твою качала колыбель!

Эст-Тойла,
1914. Іюнь.

Примѣчаніе: Поэза эта написана авторомъ за нѣсколько дней до убійства Франца-Фердинанда, наслѣдника австрійскаго престола...

ПОЭЗА ВОЗМУЩЕНІЯ.

Культурнѣйшій монархъ культурной части свѣта!
Ораторъ и мудрецъ! философъ и солдатъ!
Внемли моимъ словамъ свободнаго поэта,
Гремящимъ, какъ набатъ!

Я говорю тебѣ, чья «гордая» корона
Иного ослѣпить способна невзначай:
Ты—варваръ!—ты тиранъ! ты—шутъ Наполеона!
Предъ Богомъ отвѣчай!

Виню тебя за то, что ты, нахмуривъ брови,
Воздвигъ въ своей странѣ гоненье на славянъ;
Виню тебя за то, что ты возжаждалъ крови,
Гордыней обуянъ!

Виню тебя за то, что мысль направилъ косо,
Чѣмъ запятналъ себя и всю свою семью;
Виню тебя за то, что сбросилъ, какъ съ откоса,
Германію свою!

Предатель! мародёръ! воитель безшабашный!
Родъ Гогенцоллерновъ навѣкъ съ тобой умретъ...
Возмездіе тебѣ—торжественный и страшный
Народный эшафотъ!

Такъ вотъ она, страна Бетховена и Канта,
Плюющая въ глаза славянскимъ матерямъ!..
Такъ вотъ культурный центръ и мощи, и таланта,
Короновавшій Срамъ!

О, Гёте, оживи! Воскресни, свѣтлый Шиллеръ!
Кричите изъ гробовъ, всеобщіе друзья:
— Вильгельмъ, постой! въ странѣ, гдѣ нѣмцами
мы жили,
Разбойничать нельзя!

Мыза „Ивановка"
1914. Августъ.

ПОЭЗА КЪ ЕВРОПѢ.

Вильгельмъ II, германскій императоръ,
Хотѣлъ давно Европу покорить.
Онъ подалъ знакъ,—и братъ пошелъ на брата,
Рубя съ плеча. Живи, кто хочетъ жить!

А жить теперь—вопросъ самозащиты:
Кто хочетъ жить, будь доблестнымъ бойцомъ!
Да будутъ вѣчной славою покрыты
Идущіе на недруга съ мечомъ!

Запомните, идущіе отъ клена,
Отъ рыбныхъ рѣкъ, отъ матери-сохи:
Кощунственно играть въ Наполеона,—
Имъ надо быть!—вотъ въ томъ-то и грѣхи.

Да, тяжело забыть сестру и брата,
Уютъ семьи и таинства любви...
Онъ долженъ пасть, германскій императоръ,
Вильгельмъ II: кто хочетъ жить, живи!

Мыза „Ивановка“.
1914. Іюль.

ПОЭЗА БЛАГОСЛОВЕНІЯ.

Я не сочувствую войнѣ,
Какъ проявленью грубой силы.
Страшны досрочныя могилы
И оскорбительны вдвойнѣ.

Къ побѣдѣ красная стезя,
И скорбь на ней—исходъ конечный.
Безразумной и безсердечной
Войнѣ сочувствовать нельзя.

Но есть великая война—
Война народной обороны:
Отбросить вражьи легіоны
Встаетъ пронзенная страна.

Когда отечество въ огнѣ,
И нѣтъ воды, лей кровь, какъ воду...
Благословеніе народу!
Благословеніе войнѣ!

Мыза „Ивановка".
1914. Августъ.

ВСѢ ВПЕРЕДЪ!

Кто рушитъ Германію, скорѣе на станцію! —
Тамъ поѣздъ за поѣздомъ стремится впередъ.
Да здравствуетъ Сербія! Да здравствуетъ Франція!
И сердце Славяніи—нашъ хлѣбный народъ!

За малую, милую и смѣлую Сербію
Мы крѣпко и пламенно, друзья, постоимъ!
Проявимъ спокойствіе, восторгъ и энергію,
Россія-Медвѣдица, предъ гнѣвомъ твоимъ!

Раскройте же, матери и жены, Евангелье!
Въ ряды Краснокрестія ступайте безъ словъ!
Да здравствуетъ Бельгія, Японія, Англія!
Ура, Черногорія, царица орловъ!

Мыза „Ивановка„.
1914. Іюль.

ПОЭЗА О ГУННАХЪ.

Смѣшна пангерманизма манія,—
Въ нее повѣритъ лишь профанъ.
Съ ушами влѣзешь ты, Германія,
Въ просторный русскій сарафанъ!

Съ тобой, Россія, Англо-Франція:
Утроенная, ты стройна.
Омàтовитъ весь лоскъ германца
Отечественная война.

А ты, культурникъ вѣка нашего,
Универсальный нео-гуннъ,
Чья дипломатія апашева,
Кровавыхъ жаждешь ты лагунъ!

Да сгинетъ наглая Вильгельмія—
Разбойническая страна!
И да воскликнетъ міръ въ весселін:
«Германія прекращена!»

Мыза „Ивановка".
1914. Августъ.

ЗАБАВА БЕЗУМНЫХЪ.

Война имъ кажется забавой,
Игрой, затѣей шалуна.
А въ небѣ бомбою кровавой
Летящая творитъ луна
Солдата лицомъ корявой
И мѣдью—злато галуна.

И Бельгію ужъ не луна ли
Хотѣла претворить въ отель,
Гдѣ бъ ихъ не только не прогнали,
А приготовили постель
И накормили, какъ едва ли
Кормили злаки ихъ земель.

А герцогство Аделаиды
Съ его заманчивымъ мостомъ
Какіе открывало виды!
Но всталъ автомобиль крестомъ
На томъ мосту,—и панихиды
Звучатъ на ихъ пути пустомъ.

И Льежъ сраженъ, и близко Сена.
Надъ Notre-Dame аэропланъ
Кощунствуетъ и, въ жаждѣ тлѣна,
Бросаетъ бомбы... Рухнулъ планъ:
Взрывъ душъ французскихъ, пушекъ пѣна,—
И врагъ смятеньемъ обуянъ!

Отъ сна возставшая Варшава!
Ты поступила, какъ Парижъ:
Когда тевтонская орава
Надѣялась: ты смертно спишь,—
Вздохнула ты, вся—гнѣвъ и лава,
Смела ее, и снова тишь.

Что жъ, забавляйтесь! Льетъ отраду
Во всей Вселенной уголки
Благая вѣсть: круша преграду,
Идутъ, ловя врага въ силки,
Къ Берлину, къ Вѣнѣ и къ Царьграду
Благочестивые полки!

1914. Октябрь.

ОНИ СРАЖАЮТСЯ ВЪ ПОЛЯХЪ...

Они сражаются въ поляхъ,
Все позабывшіе въ бояхъ,
Не забывая лишь о томъ,
Что гдѣ-то есть родимый домъ.
Что дома ждетъ тоскуя мать
И не устанетъ вѣчно ждать,
Что плачетъ милая жена,
Въ такіе дни всегда вѣрна,
И дѣти рѣзвою гурьбой
Играютъ беззаботно «въ бой»...

Они сражаются въ поляхъ,
Сегодня—люди, завтра—прахъ,
Они отстаиваютъ насъ.
Но кто изъ нихъ свой знаетъ часъ?
А если бъ знать!.. А если бъ знать,
Тогда нельзя душой пылать:
Ужасно заряжать ружье,
Провидя близкое свое...
Неумертвимые въ мечтахъ,
Они сражаются въ поляхъ!

1914. Октябрь.

ПЕРЕХОДЪ ЧЕРЕЗЪ КАРПАТЫ.

Войска побѣдоносныя
Идутъ на Будапештъ,
Въ терпѣньи безвопросныя,
Исполнены надеждъ.

«Идемъ себѣ, не знаючи,
Дорожкою-путемъ...
Во Львовѣ были давеча,—
Куда теперь идемъ?»...

Идутъ себѣ, веселыя
Въ святой своей тоскѣ...
Вокругъ — долины голыя,
Карпаты — вдалекѣ.

«Карпаты — дѣло плёвое, —
Намъ взять ихъ не хитро,
Когда у насъ здоровое
Рассейское нутро...

Ходите, ноги рѣзвыя!
Дыши вольготнѣй грудь!
Мы — хлѣбныя, мы — трезвыя
Осилимъ какъ-нибудь!»

Храни васъ Богъ, любимыя,
У вражьяго пѣска,
Войска непобѣдимыя,
Чудесныя войска!

1914.

ЕЩЕ НЕ ЗНАЧИТЪ...

Еще не значитъ быть измѣнникомъ —
Быть радостнымъ и молодымъ,
Не причиняя боли плѣнникамъ
И не спѣша въ шрапнельный дымъ...

Ходить въ театръ, въ кинематографы,
Писать стихи, купить трюмо,
И много нѣжнаго и добраго
Вложить къ любимому въ письмо...

Пройтиться по Морской съ шатенками,
Свивать вѣнки изъ хризантемъ,
Попрежнему пить сливки съ пѣнками
И кушать за десертомъ крэмъ —

Еще не значитъ... Прочь унынiе
И ядовитая хандра!
Война — войной. Но очи синiя,
Синѣйте завтра, какъ вчера!

Война — войной. А розы — розами.
Стихи — стихами. Снами — сны.
Мы живы смѣхомъ! живы грезами!
А если живы — мы сильны!

Въ желаньи жить—сердцá упрочены...
Живи, надѣйся и молчи...
Когда жъ настанетъ наша очередь,
Цвѣты мы смѣнимъ на мечи!

1914. Октябрь.

МОЙ ОТВѢТЪ.

Еще не значитъ быть сатирикомъ —
Давать озлобленный совѣтъ
Прославленнымъ поэтамъ-лирикамъ
Искать и воинскихъ побѣдъ...

Неразлучаемые съ Музою
Ни подъ водою, ни въ огнѣ,
Боюсь, мы будемъ лишь обузою
Своимъ же братьямъ на войнѣ.

Мы избалованы вниманіемъ,
И наши ли, pardon, грѣхи,
Когда идутъ шестымъ изданіемъ
Иныхъ «ненужные» стихи?!

— Друзья! Но если въ день убійственный
Падетъ послѣдній исполинъ,
Тогда вашъ нѣжный, вашъ единственный,
Я поведу васъ на Берлинъ!

1914. Зима.

БѢЛАЯ ФЕЯ.

По слёзнымъ лѣстницамъ, какъ бѣлка, прыгая,
Крѣпясь при публикѣ, во снѣ рыдая,
Мелькаетъ бѣлая, святая, тихая,
Такая скромная и молодая.

И въ годы — сумерки, и въ зори вешнія,
И жизни вечеромъ — одна и та же:
Всегда безвѣстная, всегда нездѣшняя,
Покоя раненыхъ она настражѣ.

Въ палатахъ буднично, — и удивительно ль,
Что фея бѣлая больнымъ желанна?
Кто поднимается, кто руку вытянулъ,
Смѣются ласково и осіянно.

Полётомъ голубя бинты покажутся,
Шампанскимъ вспѣнится лѣкарство въ склянкѣ,
И что-то доброе такое скажется,
Непроизвольное, сестрѣ-смуглянкѣ...

Негулкимъ отзвукомъ, неяснымъ отблескомъ
Сестры и матери, жены, невѣсты
Провѣетъ строгая героямъ-доблестнымъ,
А гдѣ расплачется — то свято мѣсто!

1914. Октябрь.

ПОЭЗІЯ О БЕЛЬГІИ.

Вѣрѣ Вертеръ.

Кто знаетъ? — ты явь или призракъ?
Ты будешь ли? есть ли? была ль?
Но ликъ твой прекрасный намъ близокъ,
Въ которомъ восторгъ и печаль...

Волшебница! ты златодарна:
Твоихъ городовъ карусель,
Подъ строфы Эмиля Верхарна
Кружа, кружевѣетъ Брюссель...

Не вѣримъ — не можемъ! не смѣемъ! —
Что въ брызгахъ снарядовыхъ пѣнъ,
Смертельно ужаленный змѣемъ,
Сгорѣлъ бирюзовый Лувэнъ...

И чей это шопотъ, crescendo
Сверлящій умы и сердца,
О бѣгствѣ народа въ Остендэ,
Гдѣ будетъ начало конца?...

О, городъ прославленныхъ устрицъ
И пепельно-палевыхъ дюнъ,
И волнъ, голубѣющихъ шустрицъ,—
О, городъ, трагичный канунъ!...

Ужель затерялась тропинка,
Тропинка туда, подъ уклонъ,
Въ укромный пріютъ Мэтерлинка,
Дающаго сладостный сонъ?...

Дождя свѣтозарныя нити
Сулятъ плодородье опять...
Помедлите, нѣжно усните, —
Не надо, не стоитъ бѣжать!...

Намъ нужно дружнѣе сплотиться,
Пріявъ твой плѣнительный плѣнъ,
О Бельгія, синяя птица
Съ глазами принцессы Малэнъ!...

1914. Октябрь.
Петроградъ.

ПОЭЗА ДЛЯ БРЮСОВА.

Вы, чьи стихи, какъ бронзольвы,
Вы поступаете безславно.
Валерій Яковлевичъ! Вы —
Завистникъ, выраженный явно.

Всегда насъ раздѣляла грань:
Мы съ вами оба геніальцы,
Но разныхъ толковъ. Ваша брань —
Уже не львы, а просто зайцы...

Различны данныя у насъ:
Я — вдохновенностью экваторъ,
И я осоловьилъ Парнасъ.
Вы — бронзовый версификаторъ!

И свой у каждаго подходъ
Все къ тѣмъ же темамъ мірозданья.
У каждаго свой взглядъ, свой взлётъ,
Свои мечты, свои заданья.

Вы — терпѣливый эрудитъ,
И Ваше свойство — всеанализъ.
Я — самоучка-интуитъ, —
Мнѣ непонятна Ваша зависть!

Но чѣмъ же, какъ не ею, чѣмъ
Я объясню нападки Ваши
На скудость темъ, моихъ-то темъ!
На лейтъ-мотивность, мая краше!

Не отвѣчаю никому:
Достойныхъ нѣтъ. Но Вамъ отвѣчу,
Я Вамъ отвѣчу потому,
Что вѣрю въ нашу снова встрѣчу.

Я исто смѣлъ. Я исто прямъ.
Васъ ненавидятъ много трусовъ.
Но я люблю Васъ: вотъ я Вамъ
И говорю, Валерій Брюсовъ.

Не вы ль привѣтили меня
Въ тѣ дни, когда еще бутылки
Журчали, весело звеня,
Какъ Фофановъ привѣтилъ пылкій?

Я Вамъ признателенъ всегда,
Но зависть Вашу не пріемлю...
Прояснись, каждая звѣзда,
Ты, озаряющая землю!

1915. Январь.

ПАМЯТИ К. М. ФОФАНОВА.

Погасли пламенныя похороны
Поэта, спящаго въ мечтѣ...
Да озарится имя Фофанова
Въ земной рутинѣ и тщетѣ!

Не позабудьте, люди, подвига его:
Онъ златолѣтье съ вами жилъ...
Душа измучилась юродиваго,—
Разузлена система жилъ.

Сожженный трезвыми и пьяницами,
Лежитъ обуглившійся стволъ.
Благоговѣйно вѣтеръ кланяется
Тому, чье имя — Произволъ!

Листва сѣдѣетъ, и сѣдѣющая
Испепеляется во прахъ.
А сердце... сердце стонетъ: «гдѣ еще его
Ждетъ неизбѣжный новый страхъ?..»

О, ожиданіе убійственное!
Но, можетъ быть, Земля — прологъ
Къ загробному, всегда невыясненному,
Гдѣ есть спокойный уголокъ?..

Тамъ Царство неба — аметистовая
Страна, гдѣ въ мирѣ и любви,
Въ душистыхъ сумеркахъ посвистывая,
Перятся сѣро соловьи.

1911. Май.

ПАМЯТИ А. М. ЖЕМЧУЖНИКОВА.

Что сдѣлать я могъ, то я сдѣлалъ,
и съ миромъ ты нынѣ,
О, жизнь, отпускаешь меня.

А. Жемчужниковъ.

Онъ отошелъ подъ колоколъ обѣдни,
Порвавъ злоцѣпь съ печалью и нуждой.
Благословенъ почившій въ день святой
Пѣвецъ нужды — изъ могиканъ послѣдній.

Храня завѣты славной старины
Въ своей душѣ, душѣ идеалиста,
Онъ жизнь будилъ на пиршество весны,
И просыпалась жизнь, смѣясь лучисто.

Но пробилъ часъ, какъ зло земли, жестокъ. —
Борцу за свѣтъ объятья тьма раскрыла.
Спокойно спи: ты сдѣлалъ все, что могъ,
И Смерть тебя на жизнь благословила!

1908. Мартъ.

ПАМЯТИ П. И. ЧАЙКОВСКАГО.

Я окропилъ росой его таланта
Свои мечты и вижу: входятъ въ паркъ —
Какъ призраки — „Онѣгинъ," „Іоланта,
„Татьяна," „Лиза, Германъ, Жанна д'Аркъ.

Струи ручья цѣлуютъ черевички..
Эскизъ тѣней набросила луна...
И гости грезъ запѣли тамъ, гдѣ птички
Въ березахъ спятъ, и дремлетъ тишина.

О, греза — сонъ! о, греза — чародѣйка!
О, греза — лучъ созвѣздія поэмъ!
Но вскорѣ жизнь, какъ вѣдьма, какъ злодѣйка,
Разсѣетъ сна обманчивый эдемъ...

1908. Октябрь.

ПАМЯТИ МАЦІЕВИЧА.

Онъ сталъ на мигъ безстраннымъ королемъ;
«Гномъ» сталъ великъ...
Загрезился, забылся надъ рулемъ—
На мигъ...

«Куда хочу — вездѣ: въ дурманъ гитанъ,
Иль на Квантунъ...
Я все могу!» подумалъ капитанъ —
Летунъ.

— Не все — шепнулось кѣмъ-то, и на твердь —
Ни то, ни се —
Онъ грохнулся. То прошептала смерть:
— Не все..

Столяръ, сюда! Рубанокъ — касса ты
Для всѣхъ порфиръ...
Въ эѳиръ, кто въ смерти ищетъ красоты, —
Въ эѳиръ!

1910. Сентябрь.

У Е. К. МРАВИНОЙ.

Мравина и колоратура—
Это ль не синонимы и стиль?
Догорѣла лампа. Абажура
Не схранила выблеклая Джильда:
Нѣтъ ни лампы, ни надлампника,—
Все сгорѣло.
(Недосмотръ неопытнаго рампника?..)
Отчего такъ жутко-онѣмѣло
Поднялась навстрѣчу мнѣ она?
И она ли это? Какъ больна!—
Ничего отъ Мравиной. Тѣнь тѣни.
Вѣтка переѣханной сирени,
И бокалъ, извиненный до дна.

Ялта.
1913. Мартъ.

БОРОНАТЪ.

Мадригалъ.

Въ оперныхъ театрахъ сказочныхъ планетъ,
Тамъ, гдѣ всѣ палаццо изъ пластовъ базальта,
Тамъ, гдѣ вѣетъ воздухъ бархатомъ контральто,—
Лучшаго сопрано, чѣмъ Ржевусска, нѣтъ.
И когда графиня, наведя лорнетъ,
Нѣжитъ соловьисто залъ колоратурой
И со строго-мѣрной свѣтскою бравурой
Рѣзвится по сценѣ въ снѣжномъ парикѣ, —
Точно одуванчикъ, пляшущій въ рѣкѣ,
Точно кризантема въ трепетной рукѣ,—
Сколько восхищенья всюду: справа, слѣва!
Блещутъ отъ восторга серьги у гетеръ...
— Да, это — графиня, — говоритъ партеръ,
А балконъ щебечетъ: «это — королева!»

1910. Іюнь.

ТАРНОВСКАЯ.

Сонетъ съ кодою.

По подвигамъ, по рыцарскимъ сердцамъ, —
Змѣя, голубка, кошечка, романтикъ, —
Она томилась съ дѣтства. Въ прейсъ-курантѣ
Стереотиповъ нѣтъ ея мечтамъ
Названья и цѣны. Къ ея устамъ
Льнутъ ровныя «заставки». Но — Отстаньте! —
Вотъ какъ-то не сказалось. Въ брилліантѣ
Есть мѣсто электрическимъ огнямъ.

О, внѣшній сверкъ на хрупости мизинца!
Ты не привлекъ властительнаго принца:
Поработитель медлилъ. И змѣя

Въ романтика и въ кошечку съ голубкой
Вонзала жало. Расцвѣла преступкой,
Отъ электричныхъ ядовъ, — не моя!..—
Тарновская.

Веймарнъ.
1913. Августъ.

МОНУМЕНТАЛЬНЫЕ ПУСТЯКИ.

Прочтя рецензій тысячъ двадцать.
Мнѣ хочется поиздѣваться.
Эпиграфъ-экспромптъ.

I.

Когда какой-нибудь тамъ «критикъ»
(Поганенькій такой «поэтъ»)
Изъ зависти твердитъ: «Смотрите,
Вашъ Игорь — мигъ, Вашъ Игорь — бредъ;
Онъ на безвременьи замѣтенъ
И то лишь наглостью своей»,—
Тогда я просто безотвѣтенъ:
Такъ хорошо душѣ моей.
Не все ли мнѣ равно — я геній
Иль заурядная бездарь,
Когда я точно садъ весенній
И весь сплошная свѣтозарь.
Я улыбаюсь безмятежно
Успѣхамъ, ругани, — всему:
Мое безсмертье неизбѣжно,
И я спокоенъ потому.

Эст-Тойла.
1914. Іюнь.

2.

Очаровательныя темы
Меня преслѣдуютъ весь годъ.
Но если я «большой» поэмы
Не напишу во вѣкъ, пусть тотъ,
Кто «гдѣ же твой Онѣгинъ?» ноетъ,
Вчитается въ ту «мелюзгу»,
Какую я даю: «не стоитъ»—
Еще не значитъ — «не могу».
Въ нашъ вѣкъ все длительное нѣмо,
А современному уму:
Все творчество мое — поэма.
Какой не снилось никому.

Эст-Тойла.
1914. Іюнь.

3.

Такъ много разныхъ шелопаевъ
Владѣетъ «мастерски» стихомъ, —
Петровъ, Ивановъ, Николаевъ,
Что стихъ становится грѣхомъ,
Пусть угрожаетъ мнѣ «Удѣльной»
Любой желающій болванъ:
Какъ хорошо, что я — отдѣльный,
Что Игорь я, а не Иванъ!

Эст-Тойла.
1914. Іюнь.

СУВЕНИРЪ КРИТИКѢ.

Ахъ, поглядите-ка! ахъ, посмотрите-ка!
Какая глупая въ Россіи критика:
Зло насмѣялася надъ „Хабанерою“,
Блеснувъ вульгарною своей манерою.

Въ сатирѣ жалящей искала лирики,
Своей бездарности спѣвъ панегирики,
И не разслышала (иль то—*политика?*)
Моей ироніи глухая критика...

Осталось, звонкими какъ солнце, нотами
Смѣяться автору надъ идіотами,
Да приговаривать: „Ахъ, посмотрите-ка,
Какая подлая въ Россіи критика!“

1910.

КРЫМСКАЯ ТРАГИ-КОМЕДІЯ.

И потрясающихъ утопій
Мы ждемъ, какъ розовыхъ слоновъ.

Изъ меня.

Я—эго-футуристъ. Всероссно
Твердятъ: онъ—первый, кто сказалъ,
Что все былое—безвопросно,
Чье имя наполняетъ залъ.

Мои поэзы въ каждомъ домѣ,
На хуторѣ и въ шалашѣ.
Я дѣйственъ даже на паромѣ
И въ каждой рядовой душѣ.

Я созерцаю—то изъ рубокъ,
То изъ вагона, то въ лѣсу,
Какъ пьютъ «Громокипящій Кубокъ»—
Животворящую росу!

Всегда чуждаясь хулиганства,
Въ послѣдователяхъ обрѣлъ
Завистливое самозванство
И вотъ презрѣлъ ихъ, какъ орелъ:

Вскрылилъ—и только. Голубѣло
Спокойно небо. Золотò,
Плеща какъ гейзеръ, солнце пѣло.
Такъ: что мнѣ надо, стало то!

Я пѣлъ безсмертныя поэзы,
Воспламеняя солнцесвѣтъ
И облака,—луны плерэзы,—
Рвалъ беззаботно—я, поэтъ.

Когда же мнѣ надоѣдала
Покорствующая луна,
Спускался я къ горѣ Гудала,
Пронзовывалъ ее до дна...

А то въ пѣвучей Бордигерѣ
Я впрыгивалъ лазурно въ трамъ:
Кондукторъ, пѣвшій съ Кавальери
По вечерамъ, днемъ пѣлъ горамъ.

Бывалъ на полюсахъ, мечтая
Построить дамбы къ нимъ, не то
На бригахъ долго. Вотъ прямая
Была бъ дорога для авто!

Мнѣ стало скучно въ иностранахъ:
Все такъ обыденно, все такъ
Мною ожиданно. Въ романахъ,
Въ стихахъ, въ мечтахъ, все—«точно такъ».

Сказавъ планетамъ: «приготовьте
Мнѣ вѣкъ», спустился я въ Москвѣ;
Увидѣлъ парня въ желтой кофтѣ,—
Все закружилось въ головѣ...

Онъ былъ отолпенъ. Какъ торговцы,
Ругалась мыслевая часть,
Другая—вѣрно, желтокофтцы—
Къ его ногамъ готова пасть.

Я изумился. Все такъ дико
Мнѣ показалось. Этотъ «онъ»
Обрадовался мнѣ до крика.
— Не розовѣющій ли слонъ?

Подумалъ я, въ восторгѣ млѣя,
Обезкураженный поэтъ.
Толпа раздалась, какъ аллея.
Я—Маяковскій,—былъ отвѣтъ.

Увы, я не повѣрилъ гриму
(Душа прибоемъ солона)...
Какъ поводырь, повелъ по Крыму
Столь розовѣвшаго слона.

И только гдѣ-то въ смрадной Керчи
Я вдругъ открылъ, разсѣявъ сонъ,
Что слонъ-то мой—изъ гуттаперчи,
А слѣдовательно—не слонъ.

Взорлило облегченно тѣло,—
Вновь чувствую себя царемъ,
Поэтъ! поэтъ! совсѣмъ не дѣло
Ставать тебѣ поводыремъ.

С.-Петербургъ.
21 января 1914

ПОЭЗА ИСТРЕБЛЕНІЯ.

Меня взорвало это «кубо»,
Въ которомъ все бездарно сплошь,—
И я рѣшительно и грубо
Ему свой стихъ точу, какъ ножъ.
Гигантно недоразумѣнье,—
Я не былъ никогда безликъ:
Да, Пушкинъ старъ для современья,
Но Пушкинъ—Пушкински великъ!
И я, придя къ нему на смѣну,
Его благоговѣйно чту:
Какъ онъ—Татьяну, я Мадлэну
Упорно возвожу въ Мечту...
Межъ тѣмъ, какъ всѣ поэзодѣльцы,
И съ ними доблестный Парнасъ,
Смотря, какъ наглые пришельцы—
О, хамъ Пришедшій!—прутъ на насъ,—
Молчатъ въ волшбѣ оцѣпенѣній,
Не находя ударныхъ словъ,
Я, среди нихъ единый геній,
Сказать свое уже готовъ:
Позоръ странѣ, поднявшей шумы
Вкругъ шарлатановъ и шутовъ!—
Ослы на лбахъ, «пьеро»-костюмы
И стихотомы... безъ стиховъ!

Позоръ странѣ, дрожащей смѣхомъ
Надъ вырожденьемъ!—дайте слезъ
Тому, кто приравнялъ къ утѣхамъ
Призывы въ смерть! въ свинью! въ навозъ!
Позоръ странѣ, встрѣчавшей «ржаньемъ»
Глумленье надо всѣмъ святымъ
Былымъ своимъ очарованьемъ
И надъ величіемъ своимъ!
Я предлагаю: неотложно
Опомниться! и твердо впредь
Псевдо-новаторовъ,—осторожно
Иль игнорирно,—но презрѣть!
Для ободренія жъ народа,
Который впалъ въ угрозный сплинъ,
Не Лермонтова—«съ парохода»,
А бурлюковъ—на Сахалинъ!
Они—возможники событій,
Гдѣ символомъ всѣхъ правъ—кастетъ...
Послушайте меня! поймите!—
Ихъ отъ сегодня больше нѣтъ.

1914 Февраль.
С.-Петербургъ.

III.

СТИХИ ВЪ НЕНАСТНЫЙ ДЕНЬ.

Въ ненастный день взойдетъ,
какъ солнце,
Моя вселенская душа!
(Заключительныя строки
„Громокипящаго кубка“).

Върѣ Жуковской.

I.

Я живъ, и жить хочу, и буду
Жить — безконечный — безъ конца.
Не подходите, точно къ чуду,
Къ чертамъ безсмертнаго лица:

Жизнь — въ нашей власти: мы дотолѣ
Трепещемъ, бьемся и живемъ,
Пока въ насъ много ярой воли
Къ тому, что жизнью мы зовемъ.

Смерть торжествуетъ въ тѣ мгновенья,
Когда повѣрилъ ты въ нее,
И нѣтъ въ тебѣ сопротивленья:
Смерть — малодушіе твое.

Я не могу себѣ представить
Всѣмъ ощущеньемъ, всей душой,
Какъ можно этотъ міръ оставить,—
Молчать, истлѣть, не быть собой!

Я превозмогъ порывы гнѣва:
Убивъ другого — я убитъ...
А потому — любимецъ неба —
Прощу — чтобъ жить! — всю боль обидъ.

Я смѣлъ и прямъ, и простъ, и свѣтелъ,
И смерти явно я бѣгу.
Я всѣхъ простилъ, я все привѣтилъ,
А большаго я не могу!..

Что значитъ жить? для васъ,—не знаю...
Жить для меня — вдыхать сирень,
Въ крещенскій снѣгъ стремиться къ маю,
Благословляя новый день!

Искать Ее, не уставая,
И пѣть, и мыслить, и дышать.
Какія нови въ чарахъ мая!
Какая въ новяхъ благодать!

И сколько новей въ чарахъ мая,
Вѣдь столько жъ пѣсенъ впереди!
Живи, живое восторгая!
Отъ смерти мертвое буди!

Но если ты, въ чьихъ мысляхъ узость,
Мнѣ скажешь: „трусъ",—услышишь ты:
— Да здравствуетъ святая трусость
Во имя жизни и мечты!

1914. Октябрь.

II.

Во имя зорь весны грядущей
И вешняго разлива рѣкъ
Прости обидчика, живущій,
Какъ человѣка—человѣкъ.

Въ существованіе обиды
Душой и разумомъ не вѣрь,
Враждебныя эфемериды
Да изничтожатся теперь!

Да распылится самолюбье,
Какъ одуванчикъ золотой.
Цвѣти, улыбка алогубья,
Эмблема жизни молодой.

Смѣлѣе къ ближнему съ привѣтомъ,
А встрѣтишь злобу—отойди,
Не осудивъ его при этомъ:
Людей такъ много впереди,

Непонимающій невиненъ,
Его винящій виноватъ.
Грядущій день весененъ, дивенъ,
Сирененъ, птиченъ, солнченъ, златъ!

И мая—новый май сюрпризнѣй
Своею новью огневой.
Во имя ощущенья жизни
Люби живущее, живой!

1914. Ноябрь
Петроградъ.

III.

Мою страну зовутъ Россіей.
Я въ ней рожденъ, ее люблю.
И если бъ вы меня спросили,
Молю ль побѣды ей,—молю!

Да, я молю. Но оттого ли,
Что край мой лучше всѣхъ краевъ?..
Вездѣ краса и святость боли,
И скорбь вездѣ, гдѣ льется кровь...

И люди все же всюду люди,—
Утонченники ль, дикари ль,—
Ведущіе въ добрѣ и худѣ
Свою банальную кадриль.

Я, призывающій къ содружью
И къ радостямъ тебя, земля,
Я жажду русскому оружью
Побѣдъ затѣмъ, что русскій—я!

Ахъ, роднозёмъ, какъ заусенецъ,
Докученъ, иногда кровавъ.
Кто мыслитъ глубже, тотъ вселенецъ:
Тогда, какъ, я, мой недругъ правъ.

Но если недругъ правъ разбоемъ,
Самозащитою я святъ.
Мы побѣдимъ. И успокоимъ,
И оправдаемъ всѣхъ солдатъ.

IV.

Мы побѣдимъ! Не я, вотъ, лично:
Въ стихахъ великій—въ битвахъ малъ
Но если надо,—что жъ, отлично!
Шампанскаго! коня! кинжалъ!

Великій въ строфахъ—зауряденъ
По паспорту своей страны.
Отъ дѣвушекъ и виноградинъ
Поля кровавыя видны.

Живой всегда надъ жизнью властенъ,
И выборъ есть, и есть исходъ...
Какую же изъ двухъ напастей
Мнѣ выбрать, милый мой народъ?

Вотъ если бъ я былъ поэтесса!—
На красный крестъ смѣнилъ я мечъ...
Повторны времена Дантэса,
И глупо геніевъ беречь!..

Но издавна дружащій съ рискомъ
Здѣсь я останусь невредимъ,
Тѣмъ болѣе, что въ очень близкомъ
Мы несомнѣнно побѣдимъ.

V.

Провижу день: въ цвѣтахъ застава.
Весна и солнце, и народъ.
Въ улыбкахъ дѣвъ—любовь и слава.
Войска окончили походъ.

Подъ музыку кавалерійскихъ,
И значитъ щегольскихъ, полковъ—
Чужія лица, какъ у близкихъ,
Въ лучахъ расширенныхъ зрачковъ.

Кирасы, каски и кокарды.
Звякъ шпоръ и сабель среброзлатъ.
Блистательны кавалергарды
Въ свѣтилахъ элегантныхъ латъ.

И бѣлоконные гусары
Венгерки приспустили съ плечъ.
Героямъ дѣвы дѣятъ чары,
Брачуясь радыя возлечь...

Отрадно въ этотъ день весенній,
Въ парадный, музычный, цвѣтной,
Не чувствовать былыхъ сомнѣній
Повеселѣвшею душой.

И что еще вчера томило,
Противорѣчьями дразня,
Теперь такъ просто, любо, мило,—
Вчерашнее—не для меня.

Привѣтъ побѣдѣ, людямъ, маю!
Цвѣтамъ и чувствамъ молодымъ!
Я мертвецовъ не воскрешаю,
Но ярко радуюсь живымъ!

VI.

Благословенны ваши домы!
Любовь и миръ несу въ страну
Я, выгромлявшій въ небѣ громы,
Зажегшій молніей луну!

Ушедшее непоправимо,
Шампань холопно пролита...
Но жизнь жива! но жизнь любима!
И есть восторгъ! и есть мечта!

Вы, культоры гнилого міра,
Міръ перестройте до основъ!
Бряцай пророчно, Златолира,
Чарунья грёзъ, вѣщунья сновъ!

Въ нихъ—людокосящія войны
Невѣроятны, какъ потопъ.
Въ нихъ —убѣжденья непробойны
И милосерднѣй антилопъ.

Не повторятся впредь ошибки,
Васъ устремлявшія къ войнѣ!
Тому порукою— улыбки,
Замотыльчившія ко мнѣ.

Я вѣрю, я охотно вѣрю
Въ людскую свѣтлую судьбу.
Нѣтъ мѣста въ человѣкѣ звѣрю,
Какъ въ гордомъ мѣста нѣтъ рабу!

1914. Ноябрь.

БИБЛІОГРАФІЯ.

БИБЛІОГРАФІЯ.

I. Поэзы, включенныя въ этотъ сборникъ, ранѣе помѣщенныя въ слѣдующихъ изданіяхъ.

Въ журналѣ «Русская Мысль» (1915 г.): «Весенніе тріолеты».

Въ газетѣ «Утро Россіи» (1914 г.): «Восторженная поэза», «Поэза довѣрія», «Поэза истребленія».

Въ журналѣ «Завѣты» (1913 г.): «Кузнецъ».

Въ жуналѣ «Новая Жизнь» (1913—14 гг.): «Въ іюлѣ», «Рондель бѣлой ночи».

Въ газетѣ «Московская Газета» (1914 г.): «Тіана».

Въ альманахахъ издательства «Очарованный Странникъ» (1914—15 гг.): «Тіана». «Стихи въ ненастный день» (I—VI), «Загорной», «Крымская траги—комедія».

Въ журналѣ «Голосъ Жизни» (1914 г.): «Балтійская поэза», «Балтійскія кэнзели», «Эстляндская поэза», «Осени предчувствіе».

Въ «Невскомъ альманахѣ» (1915 г.): «Письмо хорошей дѣвушки».

Въ газетѣ «Петербургскій Глашатай» (1912 г.): «Пѣсенка горничной».

Въ альманахѣ «Въ эти дни» (1914 г.): «Германія, не забывайся!»

Въ газетѣ «День» (1914 г.): «Поэза въ Европѣ», «Поэза о Бельгіи».

Въ газетѣ «Биржевыя Вѣдомости» (1914 г.): «Поэза Благословенія», «Еще не значитъ», «Мой отвѣтъ», «Когда какой-нибудь тамъ критикъ»...

Въ «Свободномъ журналѣ» (1915 г.): «Они сражаются въ поляхъ».

Въ журналѣ «Отечество» (1914—15 гг.): «Переходъ черезъ Карпаты», «Бѣлая фея».

Въ газетѣ «Нижегородецъ» (1912 г.): «Боронатъ».

Въ «Синемъ журналѣ» (1913 г.): «Сувениръ Критикѣ».

Въ брошюрахъ Игоря - Сѣверянина:

Въ 15-ой «Памяти А. М. Жемчужникова» (1908 г.): Помѣщено цѣликомъ.

Въ 21-ой «Лунныя тѣни» (ч. II.) (1908 г.): «Памяти П. И. Чайковскаго».

Въ 24-й «А садъ весной благоухаетъ!..» (1909 г.): «Варіація», «И она умерла молодой».

Въ 27-ой «Кольцо принцессы» (1910 г.): «Монологъ», «Рондолетъ», «Амулеты».

Въ 29-ой «Предгрозье» (1910 г.): «Памяти Мацієвича».

Въ 30-й «Электрическіе стихи» (1911 г.): «Октава», «Яблоня—сомнамбула», «Вечеромъ жасминовымъ».

Въ 31-ой «Ручьи въ лиліяхъ» (1911 г.): «Памяти К. М. Фофанова».

Въ 33-ьей «Качалка грёзэрки» (1912 г.): «Изъ цикла Сиріусъ».

Въ 34-ой «Очамъ твоей души» (1912 г.): «Не завидуй другу», «Корректное письмо».

II. Поэзы, включенныя въ этотъ сборникъ появляющіяся въ печати впервые:

«Предчувствіе поэмы», «Лучистая поэза», «Carte postale», «Соната», «Романсъ III», «Весеннія рон-

дели», «Она и онѣ», «Такъ ужъ сказалось», «Кладбищенскія поэзы», «Поэза майскихъ дней», «Письмо на югъ», «Экстаза», «Вервэна», «Поэма междустрокъ», «Это только въ жасминъ», «Нѣтъ ничего», «Сегодня не приду», «Весенній мадригалъ», «Заклинаніе», «Сердцу дѣвьему», «Одно изъ двухъ», «Поэза трехъ принцессъ», «Письмо-рондо», «Метёлка-самомёлка», «Поэза дѣтства моего и отрочества», «Колье рондо», «Перунчикъ», «Поэза возмущенія», «Всѣ впередъ», «Поэза о гуннахъ», «Забава безумныхъ», «Поэза для Брюсова», «У Е. К. Мравиной», «Тарновская», »Монументальные пустяки» (II и III).

СОДЕРЖАНІЕ.

I. А садъ весной благоухаетъ.

II. Монументальные моменты.

